

Любимые герои

*Великой Победе
посвящается...*

Автор рассказов
А. С. Боровикова

Юные герои

Великой Победе
посвящается...

УДК 94(47)"1941/1945"
ББК 63.3(2)622,8
Б83

12+

Боровикова Анна Сергеевна

Б83 ЮНЫЕ ГЕРОИ. Великой Победе посвящается...
ISBN 978-5-907334-66-3

За годы войны было совершено бесчисленное количество подвигов, многие из которых остались неизвестными. Но звание Героев Советского Союза получили только пятеро подростков, не достигших своих восемнадцати лет. Это Александр Чекалин, Зина Портнова, Леонид Голиков, Марат Казей и Валентин Котик. Книга, которую вы сейчас держите в руках, тоже о них. О мальчишках и девчонках, которые отдали всё, до последней капли крови, до последнего глотка воздуха, чтобы жила наша страна, наша Родина, а значит, и мы с вами.

УДК 94(47)"1941/1945"
ББК 63.3(2)622,8

ISBN 978-5-907334-66-3

Содержание

Предисловие	5
Володя Дубинин	9
Лёня Голиков	23
Марат Казей	41
Зина Портнова	49
Валя Котик	61
Саша Чекалин	69
Молодая гвардия	85
Эпилог	99

Благодарим коллектив Печорского линейного производственного управления магистральных газопроводов – филиала ООО «Газпром трансгаз Ухта» за финансовую поддержку издания.

Денежные средства были собраны работниками Печорского ЛПУМГ ООО «Газпром трансгаз Ухта» в рамках благотворительного марафона «Мы – наследники Великой Победы».

Предисловие

Как звучит память?

Какой у неё запах? Какой вкус?

Какие чувства она оставляет после себя? Какие мысли?

Ведь, если задуматься, память – это не просто набор информации. Это ощущение, которое мы испытываем, возвращаясь мыслями к определённым моментам прошлого.

А ещё это принципы, которые рождаются в нашем сердце и руководят нашими поступками, а иногда и всей жизнью.

Поэтому сохранение памяти о важных исторических событиях – неоспоримый вклад в будущее нашего общества.

Когда же речь идёт о событиях Великой Отечественной войны, это не просто история. Для нашей страны это стержень народного единства, ориентир морали и глубокая ценность подаренной нам свободы.

Одно из направлений социальной деятельности ООО «Газпром трансгаз Ухта» – сохранение памяти о Великой Отечественной войне и поддержка её ветеранов.

Печорское ЛПУМГ ООО «Газпром трансгаз Ухта» уже не первый год ведёт активную деятельность в этом направлении.

Это всесторонняя регулярная помощь ветеранам, ремонт существующих мемориалов, создание новых памятных мест, работа с кадетскими классами, отрядами юнармии, издание книг о военной истории региона и многое другое.

В 2021 году в детском парке имени Володи Дубинина в городе Печоре была открыта аллея ЮНЫХ ГЕРОЕВ. Это композиция из пяти монументов с портретами и описанием подвигов ребят, которые отдали жизнь в борьбе за победу над фашизмом.

Юные герои. Великой Победе посвящается...

За годы войны было совершено бесчисленное количество подвигов, многие из которых остались неизвестными. Но звание Героев Советского Союза получили только пятеро подростков, не достигших своих восемнадцати лет. Это Александр Чекалин, Зина Портнова, Леонид Голиков, Марат Казей и Валентин Котик.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, тоже о них. О мальчишках и девчонках, которые отдали всё, до последней капли крови, до последнего глотка воздуха, чтобы жила наша страна, наша Родина, а значит, и мы с вами.

Эти рассказы, основанные на реальных событиях Великой Отечественной войны, — ещё одна строчка в книге памяти. Так пускай эта память живёт в наших сердцах и вдохновляет наших детей. Таких же, какими были те ребята...

*Вы боролись за Мир!
Вы сражались не зря!
Мы память о вас
сохраним на века...*

Полиенко Аполлинария,
14 лет
Иллюстрация
«Володя Дубинин»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель –
Цыганова Анна Ивановна

стр. 10

Дроздова Виктория,
14 лет
Иллюстрация
«Володя Дубинин»
МБУ ДО «ДШИ» г. Инта
Преподаватель –
Прейс
Фридрих Вольдемарович

стр. 14

Овсиенко Василиса,
13 лет
Иллюстрация
«Володя Дубинин»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель –
Жук Ольга Владимировна

стр. 18

Володя Дубинин

— Мама, я за себя не боялся... Просто думал о том, как они там, внизу. Что я обязательно должен им помочь, предупредить!

Всё было позади. Мы сидели на кухне и пили горячий чай. Мама, не отрываясь, смотрела на меня и изредка, протянув руку, поправляла мне волосы, вернув на место отбившуюся от общего порядка прядь, или просто украдкой гладила моё плечо.

Мне хотелось обнять её, уткнувшись носом в родные колени, и замёрзнуть так, вдыхая до боли знакомый запах её домашнего платья. Или прыгать вокруг, целуя то в одну щёку, то в другую, то в руку, безуспешно пытавшуюся отбиться от развеселившегося сына.

Но ведь теперь я стал другим!..

Слишком много всего произошло с того дня, когда она проводила меня в глубокое подземелье каменоломен, не зная, увидит ли снова своего сына...

Эти каменоломни находились возле небольшого рабочего посёлка под названием Камыш-Бурун и представляли собой целую сеть подземных шахт и галерей, уходивших в глубину почти на шестьдесят метров.

Когда к посёлку подошли немцы, все взрослые мужчины, а с ними и несколько женщин с детьми ушли под землю, чтобы оттуда оказывать сопротивление захватчикам. Взяли и нас с Ванькой Грицаевым, моим другом детства.

Наша жизнь в подземелье, как это ни странно на первый взгляд, была строго организована. Взрослые несли караулы и проводили регулярные осмотры убежавших во все стороны и причудливо пересекавшихся подземных галерей, выходили на разведку и занимались хозяйственными работами.

Нас с Ванькой к выходам из каменоломен не подпускали — опасно. И как ни рвались мы к большому, важному делу, поначалу приходилось

Поленко Аполлинария, 14 лет

Володя на вылазке в тылу врага

довольствоваться лишь заданиями нашего полевого повара дяди Яши: перебрать сухари, почистить картошку. И хотя за работу мы всегда получали вкусные пирожки, нас всё равно всей душой тянуло к подвигу.

Однако грустить было некогда. Вместе с тремя младшими ребятами мы создали свой пионерский отряд и каждый день проводили занятия в специально отведённой Красной комнате, которую все вместе украсили плакатами и вырезками из журналов.

Иногда к нам на огонёк тусклой шахтёрской горелки заглядывали взрослые, и тогда мы, затаив дыхание среди давящей тишины каменных залов, слушали их истории из прошлой, надземной жизни. Или, наоборот, пели песни под аккомпанемент старой балалайки, которую дядя Яша захватил с собой из дома.

Настроение было бодрым. Несмотря на отсутствие дневного света и постоянную сырость, нас поддерживала мысль, что мы делаем важное, большое дело, что мы не сдаёмся врагу просто так и до последней возможности будем бороться с ним, «больно кусая» его из-под земли.

Однако день за днём наше положение осложнялось.

Немцы, занявшие посёлок, быстро узнали о нашем местонахождении. Видимо, нашлись предатели среди местных жителей.

Всё труднее становилось держать связь с внешним миром — фашисты искали новые и новые выходы из каменоломен и выставляли там караульных. Постепенно всю территорию выработки обнесли колючей проволокой, и каждого, кто появлялся в этих местах, хватили или расстреливали без предупреждения...

В одном ошибались враги — они не знали, сколько под землёй скрывается партизан. По мнению их командования, нас была целая армия: около двух с половиной тысяч. Как бы удивились проклятые захватчики, если бы узнали, что не могут достать из-под земли и уничтожить всего 92 человек, включая женщин и детей!

Мы не давали им покоя.

То сделаем утреннюю вылазку и взорвём здание с пунктом связи, то закидаем гранатами ремонтную мастерскую, то подстрелим из автомата зазевавшегося караульного.

К этому времени и нам с Ванькой уже давали боевые задания — отряду нужны были разведчики. Взрослым в посёлке появляться было нельзя, а мы с малых лет знали все ходы-выходы из подземных баррикад да и пролезть могли в тех местах, где взрослому не пробраться.

Правда, лазов этих становилось всё меньше. Немцы заливали бетоном все ямки и ходы, в которые не могли зайти солдаты. Более широкие забрасывали гранатами, пускали через них удушающие газы или закидывали дымовые шашки...

Потом они взорвали наши резервуары с водой.

Мы остались практически без питья, только из припрятанной отдельно резервной ёмкости дядя Яша каждый день выдавал всем по стакану воды. Отмывать чёрную копоть и каменную пыль, покрывавшую тело, было тоже нечем.

Потом была атака.

Фашисты разобрали завалы в самых крупных входах в каменоломни и сразу с нескольких сторон начали наступление. Вооружённые огромными прожекторами, лучи которых вгрызались в темноту подземных галерей, проклятые захватчики рассчитывали прорваться в наше глубинное укрытие и разом покончить с надоевшими партизанами.

Но не тут-то было!

За каждым камнем, за каждым поворотом извилистых коридоров, уходящих в непроглядную темноту, их ждала непробиваемая живая стена. Ни один фашист не мог преодолеть этих невидимых преград — из глубины подземелья резали по врагу одна за одной автоматные очереди. То тут, то там молчаливо выкатывались из-за угла коварные гранаты, точно в цель жалили пущенные меткой рукой пули из наганов.

Десятки и сотни немецких солдат, из мрака каменоломен сдерживаемые на каждом проходе всего двумя-тремя партизанами, падали, как подкошенные, на каменные полы или отступали назад.

И ведь мы отбились!

Больше суток шёл ожесточённый бой, пока противник не отчаялся влезть в наше убежище и не повернул назад, поджав свой хвост, как побитая собака.

Мы потеряли всего троих... Хотя эти жизни имели для нас безмерно высокую цену...

После нападения фашистов мы несколько дней восстанавливали силы. Ремонтными обрушенные стены, которые прикрывали все возможные входы противника, приводили в порядок оружие, подсчитывали оставшиеся боеприпасы.

Надо было готовиться к новому нападению.

Для этого нужно было знать, что творится наверху. Меня вызвали в штабной отсек.

Дроздова Виктория, 14 лет

«Я пошёл по направлению необычного звука и скоро увидел, откуда он шёл»

— Придётся снова отправлять тебя, Володя... — командир Лазарев сидел за столом и, погружённый в глубокие раздумья, смотрел перед собой, изо всей силы стиснув свои большие ладони. Затем он поджал губы и поднял на меня глаза: — Ты ведь знаешь, идти больше некому.

У меня на примете оставался ещё один, самый дальний лаз, о котором я никому не рассказывал. Даже Ваньке.

Протиснуться туда было под силу только мне одному — вот когда оказался полезен мой маленький рост и худые плечи. А я-то всегда расстраивался, что стою последним в строю в отряде!

Вышли затемно.

Ну, внизу, конечно, темно было всегда. Мы и время суток-то уже привыкли определять только по часам. Но выбираться на поверхность нужно было так, чтобы в едва различимом предрассветном полумраке быстро переместиться вниз, за колючую проволоку.

Я выскользнул из-под камня, прикрывавшего сверху мою лазейку, и быстро пополз среди больших камней, извиваясь, как ящерица, и вместе с тем осторожно нащупывая перед собой каждую выпуклость — чтобы не напороться на мину.

Через несколько минут я был уже за оградой, нырнув за старый покосившийся сарай на окраине посёлка. Здесь я хорошенько растёр лицо и руки снегом, чтобы убрать следы чёрной копоти, иначе каждый встречный сразу бы понял, откуда я только что вылез.

Дождавшись, когда окончательно рассветёт, я спустился к посёлку и пошёл по его улицам, украдкой посматривая по сторонам. И тут моё внимание привлёк странный звук. Это был равномерный низкий гул. Такого я раньше не слышал.

Я пошёл по направлению необычного звука и скоро увидел, откуда он шёл. Наверху, возле одного из входов в каменоломни, стояла большая машина наподобие трактора. Она питала несколько насосных установок, от которых шла вереница соединённых между собой труб, спускавшихся прямо к морю.

Меня как током ударило. Они хотят затопить наше подземелье!

Перед глазами встала жуткая картина. Вот холодная морская вода потоком врывается в коридоры верхнего этажа и с шумом заполняет их. А потом — стекает в нижние ярусы и со всех сторон отрезает людей от внешнего мира.

Она заливает коридоры и комнаты, поднимаясь сначала по щиколотки, потом по колени, потом по пояс... И нигде-нигде нет от неё спасения,

не укрыться от этой объёмной, всепоглощающей силы. И вот последние минуты, последние капли воздуха под каменными потолками, и затем всё... Конец...

А ведь там мои друзья! Там наш пионерский отряд, там женщины, там маленькая дочь командира Олечка, которой всего четыре года!

У меня перехватило дыхание. Я должен их предупредить!

Действовать нужно было немедленно, каждая лишняя минута могла стоить жизни всем, кто за эти месяцы уже стал моей семьёй. Но как пройти днём мимо немецких караулов? Как подняться к каменоломням, тропинки к которым просматриваются со всех сторон?

Но я решил: «Как-нибудь проберусь, другого выхода нет!»

Осторожно, ощупывая каждый камешек, я пополз в сторону своего лаза. Вдавливаясь в мёрзлую землю, укрываясь за кочками и валунами, я медленно, но верно приближался к своей цели. Несколько раз я был на волосок от гибели — совсем рядом проходили немецкие солдаты. Прямо над моей головой был слышен их топот, и мне казалось, что вся земля содрогается под ударами их кованых сапог.

Было так страшно, что я забывал дышать. Сердце выпрыгивало из груди и с истошной яростью билось изнутри о стёганую телогрейку. Но я всё же полз дальше. Казалось, время остановилось.

И вот я почти у цели. Подобравшись к большому камню, в тени которого находился спасительный вход под землю, я приподнял голову. И чуть не заплакал!

На камне сидели фашисты.

Два офицера, видимо, совершая обход, остановились перекурить и уселись прямо на мой камень. Пробраться незамеченным мимо них было невозможно.

«Встану и побегу! Может быть, успею нырнуть в лаз», — промелькнула мысль у меня в голове. Но я живо представил, как немцы открывают огонь, и никто из партизан так и не узнает, какая гибель ждёт их уже сегодня.

Так нельзя. Сейчас я не имею права на ошибку.

«Володя Дубинин, ты же мечтал о большом деле! — сказал я себе. — Вот оно, думай, как бы на твоём месте поступил командир отряда Лазарев?»

Эти мысли отрезвили меня, охладили мой ум, и я смог сосредоточиться на задаче, которая стояла сейчас передо мной.

Медленно оглядевшись, я заметил неподалёку заросли густого кустарника. В голове родилась смелая идея.

Овсиенко Василиса, 13 лет

Володя подполз к врагам, подобрал толстый кусок ветки...

Осторожно обогнув за разбросанными то тут, то там валунами немцев, я подполз поближе к кустам, захватив по пути толстый кусок ветки, сломанный посередине. Достав из-за пазухи моток бечёвки, который таскал всё время с собой, я привязал ветку в месте излома и, изловчившись, забросил её далеко в кусты. Потянув за верёвку, я проверил: палка как рогатиной надёжно зацепилась за густые ветки.

Также ползком вернувшись на прежнее место, я стал тихонько дёргать за конец бечёвки. Кусты зашевелились. Но немцы не обратили на это никакого внимания.

Тогда я стал дёргать сильнее. Обледенелые ветки высокого кустарника захрустели, постукивая одна об другую, зашуршали прошлогодними сухими листиками.

Фашисты вскочили.

— Ахтунг! Хальт! Стоять! — чуть ли не над самой моей головой зазвучали хриплые немецкие голоса. Патрульные рванулись к кустам, одновременно подавая яростные сигналы свистками. Было слышно, как на их крик сбежались другие солдаты.

Я бы ещё послушал, как они будут искать меня в кустарнике, но такое удовольствие позволить себе сейчас не мог. Поэтому, закинув другой конец бечёвки, к которому я привязал небольшой камешек, немного ниже по склону от кустов — чтобы немцы не нашли мой лаз, я быстро нырнул под землю.

В этот раз мы опять опередили немцев: успели заложить и зацементировать все стенки, и воду пустили мимо обжитых залов каменоломен. Снова была победа!

— Знаешь, мам... Это самое большое счастье — спасти от гибели человека, твоего товарища... Я чувствую себя очень сильным и очень богатым — потому что мне довелось сражаться бок о бок с такими людьми и защищать свою Родину.

В окно постучали. Это были мои новые знакомые — красноармейцы, освободившие на днях Керчь и наш посёлок Камыш-Бурун. Вооружённые длинными щупами с миноискателями, они направлялись в сторону каменоломен.

— Мам, я скоро вернусь. Надо помочь ребятам убрать мины. Знаешь, сколько их там! Нужно расчистить всё, чтобы никто случайно не погиб. Мне надо обязательно пойти с ними: я здесь всё знаю, кому же ещё помогать? А ты пока напеки моих любимых оладий — я так по ним соскучился под землёй!

Через час со стороны каменоломен донёсся глухой взрыв. Разорвалась одна из заложенных немцами мин. С неба посыпались мелкие камешки, звякнули треснувшие стёкла в окнах ближайших домов.

Володя Дубинин к матери так и не вернулся.

Награды:

- Орден Красного Знамени (посмертно)

Фролова Марина, 17 лет
Иллюстрация «Лёня Голиков»
МБУ ДО «ДШИ» г. Инта
Преподаватель –
Прейс Фридрих Вольдемарович

стр. 24

Репич Роман, 15 лет
Иллюстрация «Лёня Голиков»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель –
Цыганова Анна Ивановна

стр. 28

Белоголова Алина, 14 лет
Иллюстрация «Лёня Голиков»
МБУ ДО «ДШИ» пгт. Нижний Одес
Преподаватель –
Ершова Ильмира Минухановна

стр. 30

Логонова Анна, 14 лет
Иллюстрация «Лёня Голиков»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель –
Жук Ольга Владимировна

стр. 34

Бирюкова Юлия, 14 лет
Иллюстрация «Лёня Голиков»
МБУ ДО «ДШИ» пгт. Нижний Одес
Преподаватель –
Ершова Ильмира Минухановна

стр. 36

Лёня Токиков

Шли молча, гуськом. Старались попадать след в след – благо яркая луна щедро освещала зимний лес.

Мороз крепчал, но небольшой, человек в двадцать, отряд упрямо двигался вперёд.

Люди шли устало, но собранно. На плечах мужчины несли винтовки и холщовые мешки. Уже третий день уходили от немцев. Кажется, оторвались.

Когда лес расступился, вдалеке показались домишки – вышли к деревне.

– Командир, может, зайдём сюда? Ночь впереди...

– Надо сперва разведать, что там... – командир отряда устало сощурился, глядя на слабые огоньки в окнах крайних домов.

– Можно я пойду? – вперёд вышел невысокий парнишка в телогрейке и ушанке набекрень. Это был Лёня Голиков.

Несмотря на юный возраст, а было ему всего шестнадцать, Лёня был на хорошем счету в партизанском отряде. За неполные два года службы он успел взорвать несколько железнодорожных и автомобильных мостов, расправиться с восемью десятками фашистов, принял участие в двадцати семи боевых операциях и был представлен к званию Героя Советского Союза!

В отряде ему доверяли.

– Иди, Лёнь, только будь осторожен. Мы будем ждать здесь.

Молодой разведчик вернулся быстро. Деревня была свободна от немцев. Однако ближайший их гарнизон стоял в соседнем селе, поэтому из осторожности часовых решили не выставлять, отряд разделился на три части и остановился в крайних от леса хатах.

Фролова Марина, 17 лет

«Когда лес расступился, вдалеке показались домишки – вышли к деревне»

Лёня с шестью другими партизанами расположился в доме старого учителя.

Тусклый свет керосиновой лампы освещал небогатое убранство избы. Здесь не было ничего примечательного, кроме длинной деревянной полки, прибитой высоко вдоль стены. На ней стояли книги. Много книг. Наверное, такая же полка осталась в доме его любимого учителя, в маленькой деревне Лукино, где родился и провёл детство Лёня...

Погружённый в задумчивость, парень даже не сразу услышал, о чём разговаривали мужики. Быстро поужинав небогатыми дорожными припасами, партизаны расположились кто на лавках, а кто и на полу и завели тихую беседу.

Сон не шёл, мыслей было много, и в такие минуты приятнее всего было помечтать о том, как закончится война, как будет побеждён лютый враг, как снова потечёт спокойная вольная жизнь.

— Лёнька, а ты вот скучаешь по прежней жизни?.. — рыжий Петро бросил в парня шапкой и вполголоса засмеялся, хитро прищурился. — Ты ведь раньше кто был? Никто! А теперь разведчик! Скоро звезду на грудь повесят, вообще нос задерёшь. И то вон какой серьёзный сидишь, а потом, поди, и здоровкаться перестанешь!

Мужики заулыбались. Лёньку они любили. Весёлый был парень, но, когда надо, становился собранным и ответственным, задания выполнял чётко, соображал быстро, стрелял метко.

— Правда, Лёнь, чего нос повесил? Расскажи лучше, как немцев брал!

— Вот вы пристали, мужики, я ж вам десять раз уже рассказывал, — Лёня обвёл глазами избу и встретился взором с хозяином.

Старый учитель сидел на железной кровати. Он был одет в телогрейку из овчины, старые ватники и подшитые короткие валенки на босу ногу; под густыми бровями поблёскивали стёкла круглых очков. Его лицо было покрыто морщинами, спина устало согнута, как будто несла на себе тяжесть всех пережитых лет.

Но глаза! Они смотрели на Лёньку с любопытством и надеждой. Казалось, что от его рассказа могла окрепнуть стариковская вера в победу, так бережно хранимая в сердце.

— Ладно, ладно, слушайте. Ух, зубоскалы! — Лёня обвёл глазами своих сослуживцев и тоже улыбнулся.

Верно вы говорите, что война мою жизнь поменяла.

Раньше я был кто? Рабочий на фанерном заводе. Только и слышишь: то принеси, это подай.

Дело, конечно, всё равно хорошее. Работа любая человека красит. Да и семье помогать надобно. Вы же знаете, батя у меня захворал сильно с тех пор, как в воду холодную упал. Он сплавщиком леса работал.

А у нас в семье ещё две девчонки кроме меня. Кушать-то все хотят.

Вот и работал. Кто знает, может, когда-нибудь и управляющим фанерного завода бы стал, я ж способный, семилетку окончил!

Да тут война. И теперь я вроде как солдат. Разведчик партизанского отряда! И оружие имеется боевое, и задания... Каждый день что-то новое узнаю. Был пацан пацаном, а теперь вот с вами, мужики, наравне воюю.

Летом медаль мне дали. Настоящую, чистое серебро. За отвагу. Я её с гордостью ношу, вот здесь, на груди. Разве б получил я такую награду, не будь войны?

Но это не главное.

Я бы отдал эту медаль, и благодарности мне не надо. Лишь бы немецкие гады ушли с земли нашей.

Люди эти чёрные, поганые. Да и не люди они вовсе, хуже зверя. Никогда не забуду, как на моих глазах расстреляли учителя. Андрей Иванович, историю у нас вёл... Лет шестьдесят ему было.

Я зубы сжал так, что, кажется, они начали крошиться во рту. А не закричишь, не бросишься на них, застрелят в минуту.

Нет, я не так хотел жизнь отдать! А чтобы с оружием в руках, чтобы с собой этих гадов побольше прихватить! Поэтому сейчас одна мысль у меня в голове — хочу я немцев бить, косить их сотнями, тысячами. Чтобы ушла эта зараза с нашей земли!

Мало я их пока побил. Но было один раз даже весело! Я, по крайней мере, смеялся.

Возвращался я как-то с задания. Летом дело было. Денёк стоял такой погожий, солнце припекало. Мне надо было до деревни одной пробраться и по ней походить, собрать сведения о немецком расположении.

Я нашёл густой пролесок и там оставил оружие, переоделся в рваньё и в деревню пошёл. Когда насмотрел всё нужное, тем же путём вернулся обратно и переоделся.

Белоголова Алина, 14 лет

«Видимо, захотелось окаянным сладенького.
Решили они медком побаловаться, да ведь там пчёлы сидят»

Да только выбираться хотел, слышу — немецкий говор. И главное, задорно так покрикивают, веселятся. Я прополз тихонько по высокой траве, выглянул из-за кустов и увидел уморительную картину.

Стоят на поляне пчелиные колоды. Наверное, чья-то пасека была, да, видно, давно без хозяина. Колод, может, семь-восемь. А возле колод этих — немцы. Пятеро. И что творят — я только диву дался!

Видимо, захотелось окаянным сладенького. Решили они медком побаловаться, да ведь там пчёлы сидят. И вот они вокруг этих колод пляшут.

Жарко, куртки свои в траву скинули, винтовки тоже побросали. Головы прям поверх шлемов какими-то цветными тряпками обмотали, видать, у баб наших платки отобрали.

Один крышку с колоды поднял, другой палкой оттуда соты достать пытается. А трое пчёл отгоняют, руками да ветками машут. Вот дурные-то, сразу видно, что ни разу мёд они не гоняли.

Я сначала засмотрелся. Думаю, ну, братцы, сейчас пчёлки жару вам дадут!

Они и правда уже начали подпрыгивать смешно и ойкать на своём немецком. Поди, наши пчёлы их, как оккупантов земли русской, ещё и побольнее обычного кусали.

Но я опомнился, думаю, нечего любоваться, надо их маленько пострелять. А у меня с собой автомат был трофейный. Почти с половиной обоймы. Я тихонько его снял с плеча, поудобнее улёгся в траве да и вмазал по этим дармоедам.

Ишь чего, мёда они нашего захотели! А вот это получите-ка!

Автомат мой застрекотал славно. Двое сразу упали замертво. Третий побежал, но я его догнал новой очередью. Остальных тоже подстрелил бы, да патроны кончились. Так они и удрали. Только пятки сверкали — до Москвы было видно!

Ух, я смеялся! Правда, потом притих, опасно всё-таки, рядом могли быть ещё немцы. Или эти бы вернулись с подмогой. Поэтому я быстро схватил брошенные немецкие винтовки и ушёл по нашей тропе в лес.

Меня тогда командир отряда отчитал. Мол, тебя, Лёнька, на разведку послали, а ты немцев бросился мочить. А я слушаю его, киваю согласно, а сам в уме прибавляю: вот ещё трое в моём списке победы.

Ну, потом похвалил меня, конечно. Да и смеялись мы после уж вместе — над немцами, которые так сильно любили мёд!

А потом, спустя недели три, другой случай произошёл.

Мы с разведгруппой на задание отправились. Нужно было за автомобильной дорогой проследить, какое там движение происходит. Залегли мы у этой дороги и смотрим. Машины считаем, чего они там везут, замечаем.

Целый день так пролежали, уже и вечереть начало. Стали мы переговариваться, мол, пора с поста сниматься, всё равно ночью не разглядишь ничего. Да и указаний оставаться не было.

И тут слышим... гул мотора. Одна машина едет. Мы переглянулись. Приказа на проведение операции не было, но... Такая возможность!

Машина приближалась.

Я достал из кармана гранату. И тут смотрю, из-за поворота дороги показался автомобиль. Ой, думаю, непростая ты шишка!

Среди густых кустов, обступивших дорогу с обеих сторон, кузов автомобиля выделялся большим светлым пятном. Белая. Кабриолет, кожаная крыша откинута назад, металлические ручки поблёскивают в отсветах фар. В машине двое — водитель и пассажир сзади.

Мы поняли: большое начальство едет.

Тут уж сомнений не стало. Я выдернул чеку да, как машина поравнялась с нами, бросил гранату прямо в открытый кузов.

Взметнулся взрыв, машина резко запетляла и съехала в кусты.

Водитель был мёртв, упал на руль. А пассажир метнулся из машины и сиганул в лес. Я поначалу хотел за ним побежать, да он быстро смекнул и сбросил свой белый китель. Его силуэт сразу растаял в темноте.

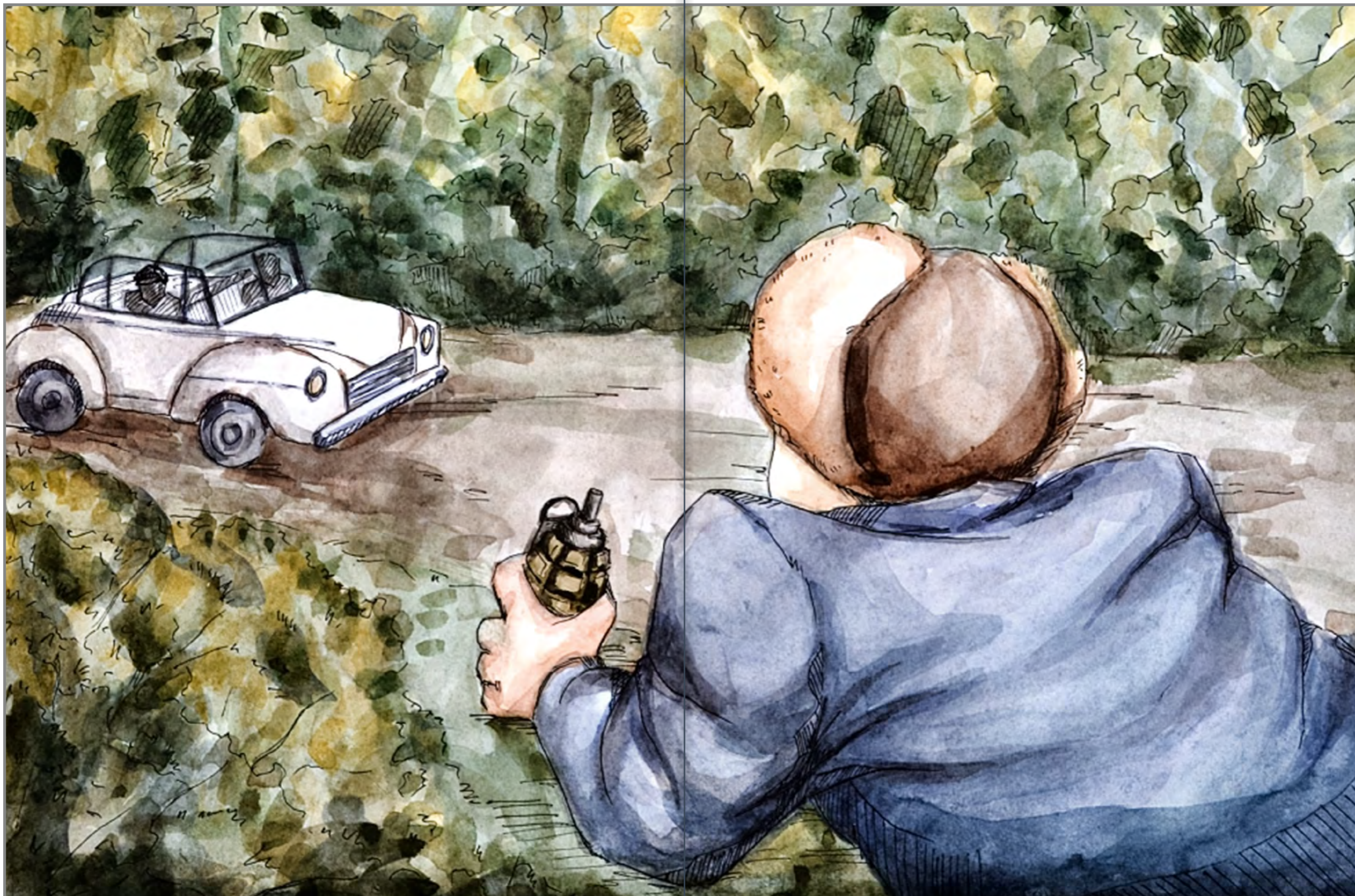
Мы с ребятами полезли в машину — может, чего полезного обнаружить удастся. И не ошиблись! На заднем сиденье лежал толстый кожаный чемодан. Такой тяжёлый, что мы еле его вдвоём вытащили, тем более мы торопились: машина гореть начала.

Заглянули в этот портфель, а он битком бумагами набит. Утащили его в отряд, конечно. Я по пути ещё этот офицерский китель прихватил, нацепил его поверх одежды — он мне велик сильно был. Рукава длинные, до колен висят, плечи широкие, с погонами — ну чистый цирк!

Я таким в отряд и явился.

Караульные сначала за оружие схватились, а потом, как меня признали, хохотали до упаду. И командир посмеялся потом от души.

А тот портфель с документами отправили первым же авиарейсом в Москву. Мы бы и забыли о нём, да пришла депеша, что больно

Бирюкова Юлия, 14 лет

«Заглянули в этот портфель, а он битком бумагами набит.
Утащили его в отряд, конечно»

важные там были бумаги. Планы военные и чертежи новой немецкой техники.

И приказ — представить добытчика этих бумаг к высокой награде, ордену Героя Советского Союза.

И хоть было нас трое в тот раз, а указали только меня. Не знаю уж, почему. Может, что я возрастом младше, так это только по бумагам, а так я не хуже других воюю! Ну, хотят дать, пусть дают, я, конечно, с гордостью носить буду.

Но главное, я надеюсь, что бумаги те помогли нашей армии приблизиться к победе на большой, широкий шаг.

За это и умереть не жалко!

Мужики притихли. Задумались.

— Ладно, ребята, давайте ложиться, что ли... Засветло ведь отправляться в дорогу опять, — Лёня лёг на длинную деревянную скамью, подложив под голову шапку.

— Хороший ты парень, Лёня, — вдруг тихо произнёс старый учитель. — Толковый, честный, и сердце у тебя большое... Коли погрём все, не страшно на такую молодёжь страну оставить. Будете по-человечески жить.

С этими словами хозяин избы встал с кровати и подошёл к окну.

Грянул выстрел. Посыпались мелкие осколки стекла. Старик осел на дощатый пол. Его удивлённые глаза застыли за стёклами очков...

— Сдали нас, ребята! Хватай оружие!

Началась шумная перестрелка. Немецкий карательный отряд, который, как оказалось, вызвал староста деревни, окружил крайние дома с партизанами.

Сдаваться не предлагали. Бой шёл на поражение.

Фашисты без остановки строчили из автоматов, закидывали в разбитые окна гранаты и дымовые шашки. Партизаны стойко отстреливались... до самых последних сил. Но шансов у них не было...

В ту ночь из партизанского отряда спаслось только трое. Они успели уйти в лес через подпольный лаз и лишь спустя несколько дней вышли к советским войскам.

Остальные партизаны, включая и Лёню Голикова, погибли.

Погибли как настоящие герои, с оружием в руках, в борьбе за правду и свободу.

В апреле 1944 года Указом Президиума Верховного Совета Лёне Голикову было присуждено звание Героя Советского Союза, посмертно.

А в родной деревне Лёни установлен величественный монумент. В память о молодом парне, который не пожалел жизни за родную страну.

Скрябина Софья, 16 лет
Иллюстрация
«Марат Казей»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель –
Цыганова Анна Ивановна

стр. 43

Хозяинова Анна, 14 лет
Иллюстрация
«Марат Казей»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель –
Жук Ольга Владимировна

стр. 44

Марат Казей

Когда мы подъехали к деревне, уже вечерело.

Нежное майское солнце, устав за день, завалилось за горизонт, и с ещё пустых полей потянуло сыростью.

Нужно было найти ночлег и поговорить с местным партизанским связным. Но сначала мы для верности остановились у небольшого оврага. Его дно и пологие склоны густо заросли кустарником, поэтому для укрытия это место подходило как нельзя лучше.

– Подождём, как стемнеет, – тихо сказал мой спутник. Это был командир разведки Михаил Степанович Ларин.

Я стреножил измотанных за день лошадей и прилёг на песчаный откос оврага, подложив под голову заплечный мешок. Ларин сел рядом.

В кустах весело чирикали птицы, как будто и не было всей этой войны. Как будто не прятались мы уже почти три года по лесам и болотам, выбираясь из своих укрытий тайком, как преступники, хотя продолжали жить на своей родной земле...

Вот и сегодня мы с командиром ездил на разведку: нужно было узнать расстояние до немецких войск в сторону Узды – ближайшего районного городка.

За день удалось собрать немало данных.

Переодевшись в старую одежду, нацепив дырявые сапоги и натянув на глаза рваную кепку, я прошёлся по двум соседним деревням, делая вид, что прошу хлеба.

Никто не обращал внимания на худого подростка, а я тем временем заметил, где находятся штабы противника, сколько и какой у него техники, даже удалось подслушать разговор двух офицеров о распоряжениях командования.

Поэтому возвращались мы уставшие, но довольные – было чем поделиться с руководством нашего партизанского отряда. Однако и бдительности терять нельзя – хоть в деревеньке Хоромицкие, к которой мы подъехали, и было тихо.

Деревня эта была в одну улицу — домов сорок.

Когда совсем затемнело, мы пробрались к крайней избе. Света в окнах не было. Заведя лошадей во двор, тихонько постучали. Дверь открыл старик. Он молча впустил нас в сени.

— Дед, накорми лошадей хоть чем-нибудь. Нам переночевать надо, до рассвета уедем.

Я зашёл в хату. Старик поставил на стол огарок свечи, и от её неровного света я смог рассмотреть несложное убранство дома — красный угол с простыми образами, расшитую скатёрку на массивном табурете под самоваром, тканые дорожки на дощатом полу, детскую качалку.

И печку.

От неё пахло приятным теплом, и у меня сжалось сердце... Перед глазами всплыли картины, казалось, совсем далёких дней, когда живы были отец и мама, братья и сёстры. Когда мы по вечерам, свесившись с печи, слушали батины рассказы про советскую власть, про будущее, в котором все равны, про образование, которое мы получим, про мир, который увидим...

Теперь же от всей семьи остались только мы с Ариадной — моей старшей сестрой. Отец погиб ещё до войны, маму расстреляли немцы за помощь партизанам, две сестры и младший брат умерли от болезней. И даже Ариадна была покалечена этой войной — она зимой лишилась ног, отморозив ступни в одном из переходов...

Я стиснул зубы. Иногда хотелось спрятаться, отгородиться от этих воспоминаний. Слишком много боли они приносили. Поэтому я просился на любое задание, ходил в разведку, участвовал в диверсиях... Лишь бы не всплывали перед глазами лица родных.

Вместе с тем это давало мне силы. В голове будто звучал мой же голос:

— Я сделаю всё, чтобы отплатить за свою семью! Чтобы проклятые нелюди убрались с нашей родной земли!

Мои мрачные мысли прервал Михаил Степанович:

— Я к связному, буду в третьем доме отсюда. Ложись, отдохни пока.

Он тихонько выскользнул за дверь. Свеча догорела, и теперь мягкий лунный свет лился только из окон избы, ложась ровными серебристыми полосами на пол. Где-то в поле закричал коростель, и с печи послышался любопытный детский шёпот.

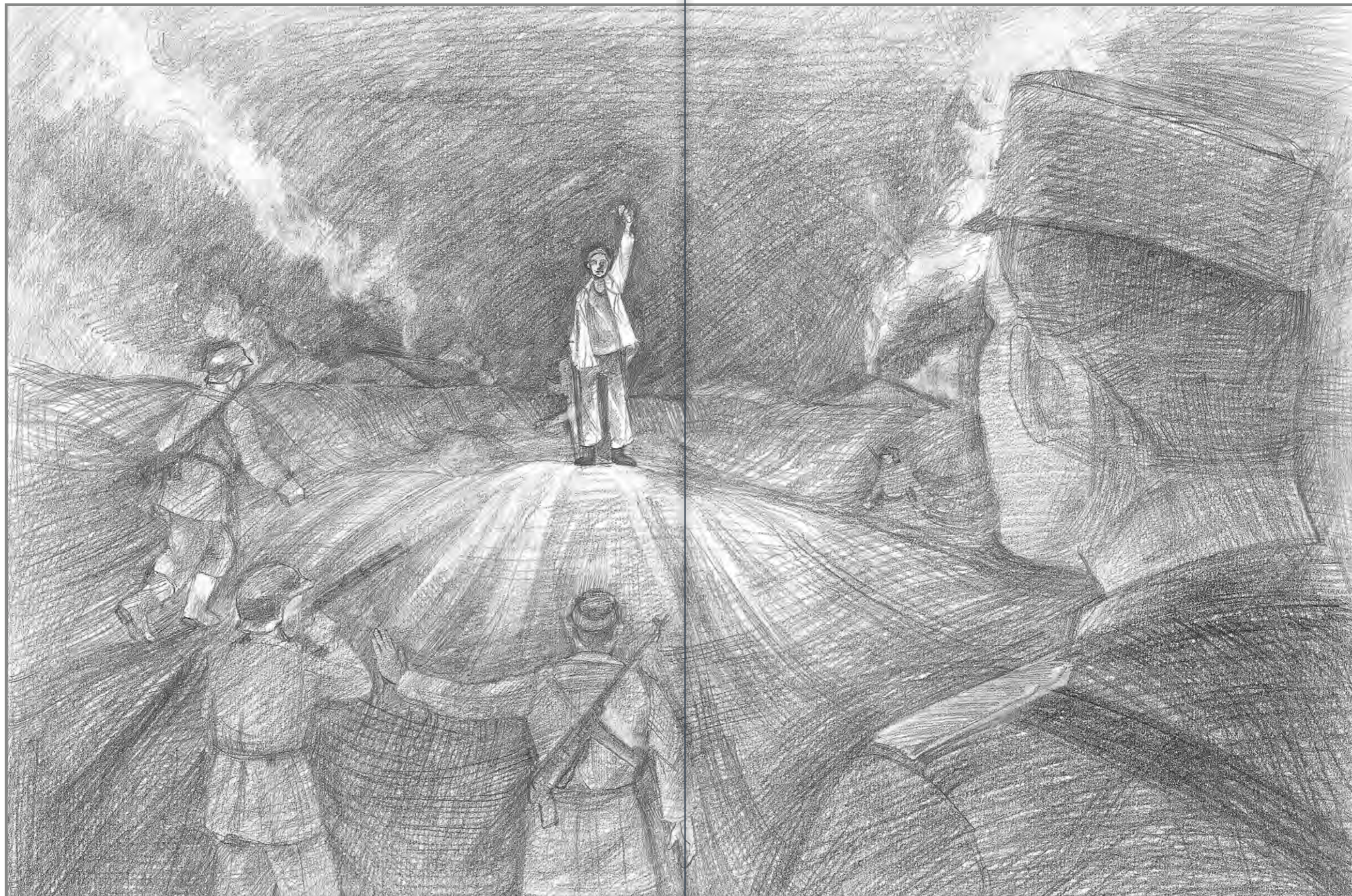
Я, не раздеваясь, лёг на скамью. Положил рядом автомат и провалился в сон.

Проснулся я от громкого шёпота командира, подскочил сразу.

Скрябина Софья, 16 лет

Марат бросает последнюю гранату, чтобы подорвать вместе с собой немцев

Хозяинова Анна, 14 лет

Марат достал две гранаты, одну бросил в сторону фашистов, второй взорвал себя и немцев, когда они подходили к нему

— Фашисты подходят, надо отступать!

Мы выскочили из избы, но по улице было уже не проехать — целый отряд окружил деревушку, немцы хозяйничали в хатах с другого края посёлка. Мы ринулись назад, пригнувшись, нырнули за покосившуюся бревенчатую баньку.

— Сгоняют людей в сарай. Подонки, — прошипел Ларин. — Сжечь хотят. Это карательный отряд.

— Михаил Степаныч, да ведь совсем недалеко наши, как бы добраться до них... — от мысли об участи несчастных сельчан у меня внутри всё сжалось. Сердце упало вниз, как будто провалившись сквозь меня на землю: — Там же дети, женщины!.. Старики...

— Ладно, что тут сидеть, давай-ка пробираться в лес, вон, видишь, там недалеко опушка.

Командир тихонько пополз в высокой траве, потом пропустил меня вперёд. Мы, нагнувшись, стали двигаться в сторону оврага, где только накануне делали остановку. И тут высокая трава кончилась.

Я в несколько прыжков добрался до спасительной низины и тут услышал автоматную очередь. В ту же секунду почувствовал, как бедро обожгла острая боль. Но ничего, идти можно. Я обернулся, поискав глазами командира, и увидел его. Ларин лежал на спине, неловко разбросав руки и запрокинув голову. Его глаза были открыты и как бы с удивлением смотрели в небо, окрашенное первыми жёлто-розовыми лучами зари.

Я скатился на спине в овраг. Нужно как-то собраться с мыслями.

Тут послышался тихий шорох, сверху покатались мелкие камушки и заструился песок. Спустя несколько секунд рядом со мной оказались молодая женщина и мальчишка лет десяти. Они были очень напуганы.

— Ты же из партизан, верно? — спросила женщина. — У Лиходиевских стояли ночью? Расстреляли их. Всех, детей не пожалели. Нашли ваших лошадей во дворе, и за помощь партизанам...

Она до крови прикусила губу:

— Остальных в сарай большой согнали. Боже мой, что с ними будет!..

В голове одна за другой лихорадочно мелькали мысли. Наш отряд стоит в пятнадцати километрах отсюда, в лесу. Немцы ведут себя тихо, не хотят лишнего шума. А что, если поднять стрельбу? Если партизаны услышат перестрелку, может быть, они успеют спасти людей?

Пока я думал об этом, на дороге из посёлка показались фашисты. Впереди шла небольшая группа солдат, вооружённых автоматами. За ними тянулся обоз из нескольких телег, нагруженных домашним

скарбом и продуктами — видимо, немцы нашли, что награбить, даже в такой бедной деревеньке.

Я сказал женщине, чтобы она уходила по низу оврага к лесу, а сам тихо выполз наверх, прицелился и дал очередь из автомата по первым рядам отряда.

Несколько солдат упали, послышались крики и немецкая брань.

Немцы побежали к оврагу. Мой автомат застрочил без остановки, подрезая врагов одного за другим. Но их становилось всё больше и больше. Враги стали заходить полукругом.

И тут патроны кончились. В груди ёкнуло: «Это конец».

Но растерянности не было. Наоборот, последние мысли были чёткими и быстрыми.

— Они не стреляют. Значит, хотят взять живым.

У меня было две гранаты.

«Первая». Я вырвал чеку и бросил её навстречу приближающимся фашистам. Грохнул взрыв, взметнулись комья земли и клочья старой прошлогодней травы. Послышались дикие крики.

Немцы, упавшие от взрыва, снова поднялись. Правда, их стало меньше. Они плотным кольцом стали приближаться ко мне.

«А теперь вторая».

Я встал в полный рост.

— Ну что, подонки! Вот он я! Возьмите меня!

Они были уже в семи метрах, в пяти, в трёх... «За маму», — подумал я. И вырвал чеку.

Марат погиб утром 11 мая 1944 года.

Немецкий карательный отряд после стычки с пионером поспешно покинул деревню. Все жители остались живы.

Большой деревянный сарай и до сегодняшнего дня стоит на краю посёлка как немой памятник страшных событий.

Награды:

- Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (08.05.1965)

- Орден Ленина (08.05.1965)

- Орден Отечественной войны I степени

- Медаль «За отвагу»

- Медаль «За боевые заслуги»

Цветкова Анастасия,
14 лет
Иллюстрация
«Зина Портнова»
МБУ ДО «ДШИ» г. Инта
Преподаватель –
Остофийчук
Ирина Александровна

стр. 52

Сизова Вероника, 14 лет
Иллюстрация
«Зина Портнова»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель –
Цыганова Анна Ивановна

стр. 56

Коваль Дарья, 16 лет
Иллюстрация «Зина Портнова»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель – Жук Ольга Владимировна

стр. 58

Зина Портнова

– Зин, а что ты мне подаришь? У меня скоро день рождения!

Галья вопросительно смотрела на меня своими большими голубыми глазами. Светло-золотистые кудряшки рассыпались по худеньким плечам сестры, укутанной в старую кофту.

Гале скоро восемь лет.

Где взять подарок? Я устало обвела глазами комнату... Старый барак, в который нас поселили, был брошен прежними хозяевами при эвакуации.

Нас с Галей определили в маленькую комнатку с закопчённым окошком. У одной стены, ближе к печи, стояла большая железная кровать с толстым тюфяком, набитым сеном. С другой стороны – деревянный стол и невысокий комод.

В комодке оказалась куча старых тряпок, часть из них пошла на починку наших платьев, другими мы укрывались как одеялом...

Точно! Я быстро заглянула в шкаф – внизу ещё остался ворох мелких обрывков разной ткани...

Через несколько дней утром Галюшка открыла глаза и увидела на кровати рядом с собой большую тряпичную куклу.

Её руки и ноги были синего цвета, набитый сеном животик отливал красным бархатом, а круглое лицо с копной чёрных нитяных волос весело смотрело вышитыми тёмными глазками.

Галя была счастлива!

– Назову её Ольгой! Кушай, милая, кушай, давно я тебя не кормила, – ворковала над новой любимицей сестрёнка.

А я сидела рядом и думала о том, что забота о сестре в эти дни наполнила мою жизнь смыслом...

Война пришла внезапно.

Она застала нас с Галей у родных под Польшей, куда мы поехали отдыхать на лето.

К родителям, в Ленинград, мы вернуться не смогли, только спешно пробрались пешком до белорусской станции Оболь, возле которой, в деревне Зуи, жила наша бабушка.

В старой избёнке набилось немало народу — мы с Галей, тётя Ира с двумя сыновьями, дядя Ваня с маленькой дочкой да бабуля Евфросинья Ивановна.

Когда стало ясно, что вернуться домой не получится, взрослые решили пойти на работы.

Мысль трудиться на врага была до отвращения противна, но иначе могли отправить на работу в Германию. Да и ораву детей нужно было чем-то кормить... Так, дядя Ваня устроился на склад, а тётя Ира — в столовую при немецком учебном корпусе, в соседнем посёлке.

Через несколько дней ей пришлось переезжать ближе к работе, и на общем семейном совете было решено, что и мы с Галей поселимся с ней и братьями.

Мне было всё равно.

Я целыми днями занималась хозяйством — убирала в комнатах, стирала, готовила нехитрую еду из остатков, которые приносила из столовой тётя Ира.

Да и ребяташки доставляли хлопот. Галю я учила читать и писать — закончится война, и она пойдёт сразу во второй класс.

За мальчишками, Лёнкой и Колькой, вообще нужен был глаз да глаз — они то собирались на фронт, то к партизанам, то мстить фашистам.

Думать было особенно некогда.

И только вечером, обняв мирно спавшую сестрёнку, я иногда давала волю слезам... Боялась неизвестности и, конечно, скучала по родителям.

Перед глазами часто вставала картина нашего прощания на перроне вокзала. За несколько минут до отправления к маме подошла какая-то женщина и сказала: «Куда ж ты отправляешь детей? Война скоро!..»

Тогда мы дружно отмахнулись от её слов, какая война!

А теперь сердце с болью сжималось. Уже полгода, как мы не видели маму и папу и не знали, живы ли они вообще...

Прежняя жизнь, со школой, хорошими отметками и весёлым смехом подруг, всё дальше уходила из памяти.

Теперь мои дни были наполнены другими впечатлениями: грубыми криками солдат, хамством полицаев, отрывистыми выстрелами на улице...

Мне было страшно. За маленькую сестру, за себя, за родных... За то, что эта война не закончится и немецкие гады растопчут своими железными сапогами всё то святое, что было в нашей жизни раньше...

Вместе с тем в сердце кипела ненависть. Как много я отдала бы, чтобы эти изверги исчезли из моей страны! А лучше — с лица земли!

Такие мысли приходили не только в мою голову.

В деревне двоюродные братья познакомили меня с другими ребятами. Мы стали собираться вместе — сначала тайно слушать самодельное радио с советскими передачами. А потом решили, что нужно действовать. Так появилась подпольная организация «Юные мстители».

Сначала мы «вредили по-мелкому»: расклеивали листовки со сводками о победах советских войск, срывали немецкие плакаты.

Потом появились дела посерьёзнее. Мы регулярно выводили из строя автомобильные дороги, закладывали взрывчатку под железнодорожное полотно, взорвали водокачку, уничтожили немецкий склад... Было понятно, что задания приходили к нам от партизан, которые стояли недалеко в лесах. Они же снабжали нас минами и другими необходимыми вещами.

Мы были осторожны, и врагу не удавалось обнаружить следы подпольной организации в посёлке. Всё списывалось на деятельность партизанского отряда.

Поэтому большой неожиданностью для нас стал арест двух сестёр, Марии и Тони Лузгиных. Девушек забрали в отделение гестапо в Оболи. Две недели мы ничего не знали об их судьбе. Навещать их разом посевшую мать было тяжело. У неё больше никого не осталось...

А потом на заборах расклеили приказ: сегодня в полдень — расстрел двух жительниц посёлка, пособниц советской власти.

На площади собралось много народу. Стояли молча, с хмурыми лицами. Только полицаи с довольным видом шныряли среди толпы.

Была здесь и мать девочек. Волосы её растрепались, лицо посерело от горя, глаза потерянно блуждали... Вдруг она вскрикнула и с плачем кинулась вперёд. Увидела дочерей. Маша и Тоня шли обнявшись, поддерживая друг друга. Они были в рваных платьях, сквозь тонкие остатки ткани просвечивали синяки и запёкшаяся кровь...

Солдаты отшвырнули от сестёр подбежавшую мать и поставили их к кирпичной стене. Прострелотала короткая автоматная очередь. Девочки медленно опустились на землю, продолжая обнимать друг друга. Они не выдали никого из нас.

Я до боли сжимала кулаки, силясь не заплакать, не закричать... Как я ненавижу всех этих фашистов! Мы отомстим, отомстим при первой возможности!

Цветкова Анастасия, 14 лет

«— Ольгу отдай мне, — я резко вырвала игрушку из рук сестры и так сурово глянула на неё, что Галька тут же испуганно исчезла в воротах столовой»

— Зина, тебе надо идти работать... Боюсь, как бы в Германию не угнали, многих ведь отправляют, — Фрося смотрела на меня сверху вниз, немного строго и вместе с тем очень участливо.

Она была руководителем нашей подпольной организации и чувствовала на себе ответственность за каждого.

Мои щёки залились краской.

— Как?! Я, пионерка, активный член «Юных мстителей», буду обслуживать фашистов?! Это похоже на... на предательство!

Фрося взяла меня за плечи, заглянула в глаза и спокойно сказала:

— Так ты ещё больше сможешь послужить Родине, поверь.

Через несколько дней тётя Ира устроила меня на чистку овощей в столовую.

Было очень трудно. С утра до вечера я мыла, чистила и резала овощи. В первые дни с непривычки нож не держался в руках, а спина и плечи немели от постоянного напряжения.

Но потихоньку я втянулась. К тому же на кухне у меня появилась напарница. Мы очень подружились и по очереди отпускали друг друга по делам.

Она научила меня чистить овощи «для дома», с толстым съедобным слоем на кожуре. Из этих очистков мы потом готовили суп или жарили оладьи.

Жизнь продолжалась.

— Это очень сложное задание. Подумай, по плечу ли оно тебе...

Фрося внимательно смотрела на меня несколько мгновений, а потом добавила:

— Зина, ты можешь отказаться. Я пойму — это очень большой риск. Но сейчас только у тебя есть возможность осуществить это дело.

Я не колебалась:

— Когда?

Через несколько дней в дупле старого ясеня возле бабушкиного дома я нашла небольшой свёрток.

Придя домой поздно вечером, когда Галя уже спала, я достала свёрток из-за пазухи и осторожно заглянула внутрь. Там был белый, как снег, порошок.

Осмотрев комнату несколько раз, я остановила взгляд на Ольге, тряпичной кукле, мирно спавшей возле своей хозяйки...

Отличный тайник!

Утром я была удивительно спокойна.

Разбудила Галю, настрого приказав ей явиться к столовой в обед и захватить с собой Ольгу.

Потом дошла до работы и стала дожидаться времени обеда. Как раз сегодня в учебной части был большой семинар для офицеров, и поэтому их собралось больше двухсот человек.

Это был прекрасный шанс отомстить за сестёр Лузгиных.

Время тянулось бесконечно долго. В голове постоянно крутилась мысль: как я, обычная школьница, могу кого-то убить?

Но ответ был уже внутри. Твёрдая решимость. Я это сделаю.

Потом вдруг всё закрутилось. Я выглянула на улицу: Галька сидела на поленнице и играла с Ольгой.

— Молчи! Быстро найди братьев и бегите к бабушке, немедленно!

— Ольгу отдай мне, — я резко вырвала игрушку из рук сестры и так сурово глянула на неё, что Галька тут же испуганно исчезла в воротах столовой.

Только бы она добралась до бабушки...

Я вернулась в подвал. Резанула ножом шов на животе куклы, достала оттуда свёрток, швырнула Ольгу в огонь печки. Потом зашла на кухню и, быстро оглядевшись, подошла к огромному котлу с супом, который дымился на плите. В этот момент рядом как раз никого не оказалось.

Я высыпала белый порошок в суп. Весь, до последней крупички.

— Держитесь, гады!

После этого, тихо выскользнув из кухни, я вернулась к себе в подвал и села чистить овощи.

Бежать не было смысла — меня бы сразу поймали. Теперь будь что будет.

Ровно в двенадцать послышался нестройный топот сапог и громкие голоса офицеров. Немцы — они всегда пунктуальны...

Я слышала, как гремят тарелки, как стучит о стенки котла большой черпак при помешивании супа...

Кажется, прошло всего несколько минут, и... послышались первые крики.

Сизова Вероника, 14 лет

Подвиг разведчицы в тылу врага

Коваль Дарья, 16 лет

«Я высыпала белый порошок в суп.
— Держитесь, гады!»

Когда немцы разобрались, что произошло, на кухню ворвался отряд солдат. Всех собрали возле котла. Меня тоже вытащили из подвала.

— Ешь! — офицер швырнул на стол тарелку с супом.

Если сейчас откажусь, они поймут, что это я. Тогда точно убьют.

Я взяла ложку, кусок хлеба из соседней тарелки и стала есть. Одну ложку, вторую...

За Машу, за Тоню...

— Хватит! Убирайся! — офицер оттолкнул меня, и я, согнувшись, выскользнула на улицу.

Живот пронзила острая боль. На лице выступили капли холодного пота. Только бы добраться до бабушки!

Как я дошла до старой избушки в соседней деревне, даже не помню. Бабуля несколько дней отпаивала меня молоком, пока я не смогла встать с кровати. Удивительно, но выжила!

— Вам надо уходить. Всё равно найдут, слишком большой удар ты нанесла, погубила больше сотни немцев! — дядя Ваня с гордостью посмотрел на меня и сжал рукой плечо. — Идите к партизанам.

Так Зина, выполнив своё важное задание, попала в ряды партизан. Там девушка была зачислена в разведроту. В течение нескольких месяцев она участвовала во многих операциях и оказала большую помощь в борьбе с немецкими оккупантами.

В январе 1944-го на одном из заданий в Оболи она была схвачена и доставлена в гестапо.

Девушку долго пытали, но никого из своих она не выдала.

Всего за несколько дней до её восемнадцатилетия Зину Портнову, изуверенную и поседевшую от мучений, расстреляли на площади родного посёлка.

Её подвиг стал известен только через десять лет. А в 1958 году Зине было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Награды:

• Герой Советского Союза
(1 июля 1958 г., посмертно)

• Орден Ленина
(1 июля 1958 г., посмертно)

Волоскова Ксения, 14 лет
Иллюстрация «Валя Котик»
МБУ ДО «ДШИ» пгт. Нижний Одес
Преподаватель –
Ершова Ильмира Минухановна

стр. 63

Птицына Алина, 14 лет
Иллюстрация «Валентин Котик»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель – Цыганова Анна Ивановна

стр. 64

Валя Котик

Здравствуй, дорогая мама!

Вчера я получил от тебя письмо и очень обрадовался.

Во-первых, потому что ты добралась до госпиталя в Сумах, и тебя там хорошо лечат. А во-вторых, письмо твоё пришло ровно в день моего рождения, и лучшего подарка я никогда бы и не пожелал!

Наш повар Лукич устроил мне целый праздник. Он испёк настоящий пирог в своей печке в землянке. И хотя пирог этот был просто с картошкой, но прости меня, мама, а кажется, вкуснее я ничего не ел!

Потом мы весь вечер сидели у костра и разговаривали с мужиками. Они меня хвалили: «Ты, Валентин, хоть и малой ещё, а толковый боец!» Я не соглашался: «Какой же я малой, если мне уже четырнадцать лет!»

Затем мы долго пекли в золе картошку и делали оладьи: жарили их прямо на сапёрских лопатках, будто в походе. Как раньше, когда мы ходили с классом, помнишь?

Знаешь, мама, здесь и жизнь, и война совсем другие. С тех пор как я попал в партизанский отряд дяди Вани Музалёва, стал я себя чувствовать гораздо вольнее. Не слышны за стенкой барака немецкие голоса, и не видны каждый день эти поганые фашистские рожи.

А здесь хоть и в землянке, но свобода! Небо чистое над головой. Ты ведь знаешь, я такое люблю. Лес красивый, каждая веточка снегом украшена, закутана.

Ты не волнуйся, мы не замерзаем. Одежду нам выдали тёплую, новую. На печку дров хватает, мы сами готовим. Еда тоже есть. Мы её много добыли – выпотрошили немецкий склад! И тушёнку привезли, и муку, и сахар, а что не смогли – сожгли. Чтобы ничего фашистам после нас не досталось.

Занятий здесь хватает, в отряде хозяйство большое, нас тут уже во-семьсот человек! Я и дрова колю, и в дозоре стою в свою очередь. На задания ходим часто. Наше подразделение отвечает за разведку. Это дело как раз по мне.

Бывает, ходишь так по посёлку какому-нибудь, разглядываешь всё: сколько немецких солдат, где квартируют, где штаб у них, какое оружие, техника. А руки в карманах в кулаки сжимаются... Сколько, мама, они невинных людей губят! Я видел это своими глазами...

Нет, не будет нам покоя, пока не выгоним их с нашей земли. Это наше дело общее.

Я всё думал, сможешь ли ты меня понять, что тогда не улетел с тобой, остался у партизан. Отправил тебя одну, да ещё тяжелобольную.

Но я не мог по-другому.

Помнишь, как в моей любимой книге «Как закалялась сталь» сказано? «Самое дорогое у человека – это жизнь!» Но нельзя её спрятать, сбегать, когда приходит общая беда. По одному нам не выстоять. А быть немецким холуём я не хочу.

Пока мы были дома, в Шепетовке, я каждый день думал: что я могу сделать? Клеил листовки, собирал оружие, помогал подпольщикам, но мне хотелось большего, хотелось служить Родине по-настоящему.

А здесь мы – большая сила. Ни днём, ни ночью не даём врагу опомниться, душим его со всех сторон, подрываем мосты, уничтожаем склады. Они нас боятся, мама!

Недавно в разведке в одной деревне я увидел толстый кабель. Оказалось, это телефонный провод к самому Гитлеру! Вернулся и изрезал его на куски в нескольких местах – пусть теперь поговорят фашисты!

А через две недели мне награду вручили – орден Отечественной войны. Он теперь всегда при мне. Ты обязательно будешь гордиться мною, мама!..

Ты писала, что узнала о моём ранении. Не переживай, ничего серьёзного, да уже и зажили раны, я сам про них не вспоминаю.

Случайно попался я под немецкие пули. Напал на нас карательный отряд, и пришлось отходить глубже в лес. Мы с дядей Ваней прикрывали других партизан, и тут смотрю – немец сзади ползёт, прямо в дядю Ваню целится. Я вскочил, закричал да и прыгнул в сторону командира. Вовремя всё получилось, дядю Ваню не задело даже, а немца того мы застрелили и отряд их весь разбили наголо. Нечего к нам соваться впредь.

Кстати, самое главное-то я и не написал! Вчера мне выпал ещё один большой подарок. Пришла новость, что наши войска взяли Шепетовку.

Волоскова Ксения, 14 лет

«Обнимаю тебя, твой сын Валик»

Я так обрадовался, что чуть не заплакал! Ведь это значит, что скоро мы вернёмся домой. Придёт папа с войны, мы с Витей приедем. Достроим наш дом, снова пойдём в школу.

Эх, а ведь придётся мне идти в шестой класс, хоть я и вырос совсем... Ну и пусть, зато снова буду читать любимые книги, узнавать новое! Опять заиграет музыка летними вечерами, снова будут танцы и песни, будем ходить, где нам хочется, и жить свободной жизнью. Вот ЭТО счастье!..

Кстати, мама, я ведь видел Витю. Он служит в партизанском отряде Лагутенко, который патрулирует большие площади, и сегодня они проходили через наше расположение. Я был так рад! Витя, как всегда, такой же молчун, но со мной поговорил про дом и про то, что скоро мы все встретимся в Шепетовке.

Осталось мне только одно большое дело. Хочу пойти с нашим отрядом на помощь Советской армии освободить Изяслав. Выгоним из города немцев, а оттуда и до дому рукой подать.

Дорогая моя мамочка! Я очень скучаю по тебе и часто думаю, что мало ценил время, когда мы были рядом. Вспоминаю твои глаза, твою добрую улыбку и усталые руки. Прости, что тебе так много пришлось за нас волноваться. Если бы не война, мы были бы у тебя самыми послушными детьми, честное слово. Никогда не думал, что придётся скрывать свои дела даже от тебя, самого близкого нам человека. Мы не могли ничего рассказывать, ведь это бы навредило подполью. Когда всё закончится, ты будешь жить у нас, как королева! Мы всё-всё с Витей будем делать сами, чтобы ты радовалась и смеялась.

Я очень надеюсь, что это случится уже совсем скоро.

Обнимаю тебя, твой сын Валик.

* * *

Через пять дней партизанский отряд во главе с Иваном Музалёвым вошёл в Изяслав, чтобы помочь Советской армии очистить город от вражеских войск.

Фашистов взяли в плотное кольцо. Завязалась ожесточённая перестрелка. Операция по освобождению Изяслава прошла быстро, к вечеру в городе наступила тишина.

Только этой тишины не услышал Валя Котик. Ещё днём он был смертельно ранен осколком разрывной гранаты.

Так погиб юный пионер, который стал героем для тысяч советских мальчишек и девчонок. На его счету было множество подвигов: сожжённые немецкие склады, подорванные мосты и дороги, проведённые разведывательные операции...

Валентин Котик был награждён орденом Ленина, орденом Отечественной войны I степени, медалью «Партизану Великой Отечественной войны» II степени.

27 июня 1958 года Валентину Котику было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Награды:

- Герой Советского Союза (27 июня 1958 года)
- Орден Ленина
- Орден Отечественной войны I степени
- Медаль «Партизану Отечественной войны» II степени

Мазур Анастасия, 15 лет
Иллюстрация «Александр Чекалин»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель – Цыганова Анна Ивановна

стр. 76

Саша Чекалин

Мы стояли на развилке большака.

Влево, через Оку, уходила дорога на дальнее село Токарево, где жили наши родственники. К ним сейчас отправлялись мама с Витюшкой.

Я должен был вернуться назад, в Песковатское. Оттуда – в лес, к партизанскому отряду.

Вчера на семейном совете было решено разделиться. Отец с первыми лучами зари ушёл на колхозную пасеку в село. Меня ждал командир истребительного батальона, в который я записался ещё в июне. Тогда-то мы и нашли глубоко в лесу место для партизанского лагеря.

С наступлением немецких войск истребительный отряд был расформирован. Его командир Дмитрий Тимофеевич Тетерчев вместе с десятком человек ушёл в леса, чтобы вести подрывную деятельность на территории врага. Конечно, я вызвался идти вместе с ними.

Отцу дали указание пока остаться в Песковатском, на случай надобности. А маме с Витюшкой нужно было срочно покинуть город. Её – главу городской управы, комсомолку, активного члена партии – немцы сразу бы расстреляли.

Витюшке было только тринадцать. Как ни просил он меня взять его к партизанам, я упрямо молчал. Совсем ведь ещё малец, да и матери как-то оставаться одной будет?..

Пора было прощаться.

Я остановился. Не знал, что можно сказать маме и брату. Кто знает, может быть, мы видимся в последний раз... От этой мысли сердце невыносимо сжалось. Я видел: мама думала о том же.

– Береги себя, сынок, – только и смогла вымолвить она и, порывисто обняв меня, отвернулась и пошла по дороге. Я заметил, как мама прижала к губам ладонь, будто силясь сдержать сдавленный крик, рвавшийся наружу...

Витюшка молча подал мне руку. Он был сердит за то, что ему пришлось отсиживаться в деревне «под маминой юбкой», и поэтому хмурил брови и не поднимал на меня глаз.

Я крепко прижал к груди брата.

— Позаботься о маме.

Витюша кивнул головой и пошёл по дороге, догоняя мать. Я проводил их глазами до поворота.

Потом, ещё раз окинув глазами тенистые улицы Лихвина — города, где мы счастливо прожили почти три года, повернулся и пошёл по большаку в сторону Песковатского.

Это небольшое село, в котором я родился и провёл своё детство, находилось в семи километрах от Лихвина. На его окраине остался наш опустевший дом, окружённый старыми липами.

На центральной улице села в крепкой рубленой избе с железной крышей жили дед и бабушка. К ним заходить я не стал и, незаметно свернув в кусты перед крайними домами села, пошёл в сторону партизанского лагеря.

Здесь леса я знал как свои пять пальцев. Отец, заядлый охотник, уже не один год брал меня с собой «на промысел». Так я научился отлично ориентироваться и хорошо стрелять.

Оружие вообще всегда было моей страстью.

Ещё совсем маленькими, мы с деревенскими пацанами мастерили из палок самодельные ружья и арбалеты. Всё это не раз пригодилось нам в борьбе с мальчишками из соседней деревни.

Теперь у меня была своя винтовка. Я спрятал её в дальнем стогу сена, на краю покоса за деревней. Там же лежало несколько гранат, бережно укутанных в старую ветошь.

Забрав своё боевое снаряжение, я углубился в лесную чащу.

Дорога к лагерю вела через непролазный бурелом и густые заросли кустарника — неопытному человеку было нас не найти.

Сам партизанский лагерь состоял из пяти больших землянок, укрытых слоем дёрна и густым лапником. Две из них были жилыми, остальные использовались для хранения продуктов, оружия и взрывчатки.

Чуть поодаль, в песчаной стене обрыва над небольшим ручьём, также замаскированная высокими кустами, была устроена походная кухня.

В ней стояла небольшая кирпичная печка, обсыпанная по бокам землёй. Сверху над её трубой висело ведро, укрытое ветками, — для рассеивания дыма и искр.

Благодаря этим предосторожностям заметить лагерь ни с высоты, ни с земли было практически невозможно.

Отряд состоял всего из восемнадцати человек, в том числе четырёх девушек.

Кого-то я знал и раньше, а с остальными пришлось знакомиться. Но чувство большой важности того дела, для которого мы собрались, быстро объединило нас в дружный коллектив. Здесь каждый доверял товарищу как самому себе и должен был защищать другого даже ценой собственной жизни.

На первом же построении отряда командир объяснил цели нашей работы.

В небольших городках и глухих деревеньках под Тулой не было стратегических заводов и фабрик или важных транспортных путей.

Но здесь — обширные поля и густые леса. При том что основная часть населения эвакуировалась, немецким оккупантам было очень удобно разместить на наших землях тысячи тонн топлива и склады с оружием.

— Недалеко отсюда — Москва. А значит, к нам будут стягивать все запасы, необходимые врагу для атаки на столицу, — объяснял Тетерчев.

— Но ведь лучше это топливо сгорит здесь, чем в самолётах над Москвой, правда? — хитро прищурился Дмитрий Тимофеевич.

— Задача нашего партизанского отряда «Передовой» — разрушать дороги и связь, уничтожать живую силу и технику, вести постоянную разведку и вообще вызывать всяческую панику в тылу врага, — продолжал командир. — Не дадим им спокойно хозяйничать на нашей земле, а, ребята?

Мы все одобрительно закивали. Пусть в отряде нас мало, но каждый может сделать очень многое!

А ведь таких отрядов десятки и даже сотни! Это как вторая армия, или, как говорил командир, «второй фронт».

С первого же дня в отряде я включился в работу. Меня прикрепили в качестве напарника к Мите Клевцову.

Митю я хорошо знал: часто встречал его на комсомольских собраниях в Лихвине. И хоть он был старше меня на пару лет и, кажется, раза в два шире в плечах, но держался Митяй со мной ровно, по-братски.

Мы часто выходили на разведку, чтобы добыть свежие данные о расположении немецких частей в соседних деревнях, наблюдать за дорогами и вражескими складами.

Заодно мы с Митей приносили продукты и самые нужные вещи: спички, табак, тёплую одежду, посуду, запрятанные в условленных местах, — нашему отряду помогали жители почти всех деревушек поблизости.

При любой возможности мы старались добыть оружие: воровали из немецких гарнизонов, снимали с убитых фашистов. Особенно ценились у нас патроны и гранаты, так как при отступлении советских войск партизанам оставили только взрывчатку и мины для подрывной работы.

Зато эти запасыгодились нам с лихвой — почти каждую ночь часть отряда уходила на боевые задания: минировать дороги, взрывать склады с оружием и топливом, жечь запасы вражеских продуктов и одежды.

Бывали у нас и стычки с немцами, но пока отряду везло: все выходили из боя целыми и невредимыми, успев быстро скрыться. За нами вглубь леса фашисты соваться не решались.

Много работы было и в самом лагере: заготовка дров, чистка оружия, помощь на кухне и дежурства в карауле.

Особенно мне нравилось дежурить во второй половине ночи. Встанешь в густой темноте, оденешься потеплее и тихонько выйдешь из землянки. Перекинешься парой слов с боевым товарищем, принимая пост. А потом — несколько долгих часов, когда можно размышлять обо всём, слушать, как медленно просыпается осенний лес, любоваться первыми робкими лучами солнца.

В такие минуты я разрешал себе подумать о Наташе.

Мне вспоминались наши последние встречи, её худенькие плечи и большие серые глаза.

Наташа училась в моём классе, мы вместе с ней вступили в комсомол, вместе участвовали в делах школы. Она стала моим первым другом в Лихвине, но со временем я понял, что эта хрупкая девушка значит для меня нечто большее.

Теперь я переживал за неё.

Наташа осталась в оккупированном городе, полном немцев. Каждый день ей грозила опасность, а помочь я ничем не мог.

Но это была ещё половина беды. Позже я узнал, что дядя Наташи пошёл работать полицаем. Это значило, что в городе к ней станут плохо относиться и любой может её обидеть...

Забрать бы её к партизанам!

Но нельзя рассказывать ей про отряд и, конечно, не может быть и речи о том, чтобы привести Наташу в лагерь...

В Лихвине и Песковатском осталось ещё несколько моих одноклассников. Ребята были в растерянности: не знали, как можно помочь в борьбе с оккупантами. А выйти на подпольщиков или партизан не получалось: хорошо работала конспирация.

Я знал об их желании помочь. При встрече Наташа рассказала мне, что ребята тайно встречались в заброшенном сарае лесхоза, на выезде из города.

Но привлекать к подпольной работе одноклассников без разрешения командира отряда я не имел права. Поэтому при первой возможности я завёл разговор об этом с Дмитрием Тимофеевичем. Он молча выслушал меня и обещал подумать. Спросил только, уверен ли я в надёжности ребят.

Через несколько дней отряд стал готовиться к ответственной операции: нужно было взорвать склад с большими запасами авиатоплива на железнодорожной станции в посёлке Черепеть.

— А ты, Шурик, иди в избушку лесника, — Дмитрий Тимофеевич положил мне на плечо свою крепкую ладонь. — Там встретишься с красноармейцами, им нужно помочь переправиться через реку.

— А как же операция, товарищ командир? — я почувствовал укол досады: неужели Тетерчев считает меня слишком маленьким для таких заданий?..

— Не понял, — Дмитрий Тимофеевич повернулся ко мне и вопросительно поднял бровь. — Я думал, ты хотел дружков своих задействовать, привлечь их к работе отряда. И вот появилось такое важное задание — помочь боевым товарищам перейти Оку. Они без вас не справятся.

Я вспыхнул от радости. Значит, он помнил о моей просьбе и теперь я могу обрадовать ребят!

— Есть, товарищ командир! Разрешите идти? — я вытянулся по швам, между тем уже соображая, как организовать переправу.

— Иди, Шурик! Будьте осторожны, ребята...

Я сразу отправился к леснику.

Дмитрий Николаевич Бессонов жил на краю леса в небольшой сторожке. Это был крепкий старик со смуглой, словно дубовой, кожей и строгими бровями, нависшими над глубоко посаженными глазами. Казалось, он всегда хранил безмолвие и никому не верил.

Однако первое моё впечатление об этом человеке оказалось обманчивым.

Лесник Бессонов стал крепкой опорой для нашего партизанского отряда. Его изба была местом встречи многих людей, связанных с работой «Передового». Здесь хранились запасы еды и медикаментов, через Дмитрия Николаевича часто передавались срочные сведения для командира отряда.

Придя в избушку, я встретил там незнакомого мужчину в солдатской форме. Он строго оглядел меня с головы до ног и протянул руку.

— Алексей Антипов, капитан стрелковой роты.

— Александр Чекалин, — я выпрямился и твёрдо посмотрел ему в глаза.

— Пойдём со мной, партизан, — уже по-доброму усмехнулся мужчина и вышел из сторожки.

Бессонов проводил нас до глубокого оврага, словно разорвавшего надвое лесную глушь. Там, у двух палаток под раскидистыми дубами, разместились остатки роты капитана Антипова — человек соток солдат. Они пекли картошку у небольшого костра.

— Да, неважнецкого нам дали помощника, — загалдели солдаты.

Но Антипов быстро прервал разговоры: «Это Александр Чекалин, боец партизанского отряда. Он знает здесь все места и поможет нам переправиться через Оку».

После быстрого знакомства мы обсудили детали операции и условились о месте встречи. Оставив красноармейцев в овраге, я спешным шагом отправился в сторону Песковатского.

Когда густой лес закончился, откуда-то из кустов вынырнула и запетляла среди невысоких берёзок тонкая тропинка.

Тут же недалеко послышались хриплые голоса. Я упал в траву, спрятавшись за толстыми корнями вывороченного дерева.

Это были немецкие солдаты.

Видимо, они возвращались из Павловки — маленькой деревушки, стоявшей у леса в стороне от большака. Наверное, и там наводили свои порядки.

Я пересчитал их. Девять.

«Зря вы так спокойно ходите по нашим лесам, ребята», — процедил я сквозь зубы.

Достав из сумки две гранаты, я, недолго думая, бросил под ноги приближавшимся фашистам сначала одну и сразу за ней другую.

Рвануло. Взметнулись комья земли и клочья пожелтевшей травы. Гулкое эхо разнеслось по лесу и затихло вдали.

Укрывшись за корягой от взрывной волны, через несколько мгновений я снова поднялся и вскинул винтовку.

Среди деревьев мелькали спины трёх немцев.

Я успел выстрелить только в двоих. Они упали.

Осторожно приблизившись к месту взрыва, я увидел на земле шестерых солдат. Они были мертвы.

Собрав с них всё оружие, я спрятал его в неприметной ложбине за высоким ясенем, решив вернуться за своими трофеями на обратном пути.

Остальной путь до Песковатского прошёл без приключений. В селе я быстро нашёл своих ребят: Егора, Стёпку и Серёгу.

С наступлением темноты мы добрались до старого амбара за деревней. Его ворота давно покосились и еле держались на ржавых петлях. Навалившись вчетвером, мы оторвали одну половинку ворот, положили её на землю и проверили прочность досок.

— Давайте, ребята, укрепим, уж больно хлипкая конструкция выходит, — по-деловому оглядел будущий плот Стёпка.

Быстро натаскав лёгких длинных брёвен с соседней лесопилки, мы крепко привязали их к бывшим воротам и только теперь остались довольны своими трудами.

Когда наша бригада появилась в условленном месте на берегу реки, из кустов вышел капитан Антипов.

— Готово, — я кивнул ему головой.

Ребята разошлись в разные стороны — охранять тропинки, ведущие к подступам на переправу.

Я столкнул в воду плот и залез на него, держа в руках длинный крепкий шест.

— Давайте по двое, — сказал я капитану.

— А до утра-то успеем? — спросил кто-то из солдат.

— Успеем, братцы, — успокоил Антипов, — идите вперёд.

Мы начали переправляться.

Я знал это место, достаточно узкое и неглубокое, чтобы можно было быстро и без большого риска перевезти людей на другой берег.

Однако течение здесь было довольно сильным да и ночной морозец уже начал прихватывать: доски покрылись тонкой коркой льда и стали скользкими, поэтому действовать приходилось очень осторожно.

Впрочем, несмотря на позднее время, я чувствовал подъём сил, ведь мы делали такое важное дело!

Мазур Анастасия, 15 лет

Прощание с матерью и братом перед уходом в партизанский отряд

Точными движениями, отталкиваясь то от берега, то от илистого дна, я направлял плот в нужном мне направлении. Яркая, почти полная луна, медленно плывшая в ночном небе, служила мне отличным помощником.

Мы переправили уже больше половины солдат, как вдруг я оступился и, скользнув мокрым сапогом по обледенелым доскам плота, съехал в тёмную воду.

Там было неглубоко, примерно по пояс.

Я быстро забрался обратно и снова принялся за работу. Холода я почти не чувствовал, только одежда неприятно отяжелела и липла к телу.

— Эх, братец, ты же так застудишься, — озабоченно оглядел меня один из солдат на плоту.

— Ничего, потом обсохну, — поспешил я его успокоить.

До первой зари мы успели переправить через Оку всех солдат роты. Последним шёл капитан Антипов.

— Ну что, Александр Чекалин. Если живы останемся, будем с тобой лучшими друзьями! Большая тебе благодарность за помощь.

— Береги себя и удачи в борьбе! — Антипов махнул на прощание рукой и скрылся в прибрежных кустах, где дожидался его отряд.

Я переправился на свой берег и свистнул ребят. Вместе мы быстро вытащили из воды плот и спрятали его поодаль: вдруг ещё пригодится.

В Песковатском, попрощавшись с друзьями, я зашёл к деду с бабушкой переодеться. Бабушка, тихо причитая, растёрла мне сапожком ноги и дала ворох тёплой одежды.

— На печь бы тебе, Шурка, — слезливо шептала она, тихонько светя мне в лицо приглушённой керосиновой лампой.

— Нельзя, бабуль... Немцы в селе, опасно. Идти мне нужно, прямо сейчас.

И я ушёл, надеясь, что по дороге хватит сил преодолеть подступавший озноб.

Как дошёл до лагеря, даже не помню. Как и несколько дней после этого, превратившихся для меня в густую липкую темноту.

Придя в себя, я увидел девушку из лагеря, Любу. В её ведении были все медикаменты, и она все эти дни ухаживала за мной.

Я был без сил.

Жар сковывал тело и туманил разум. День за днём я проводил на жёсткой лежанке в душной сырой землянке. Временами становилось легче, и тогда я выходил к кухне, где дышала горячими углями

небольшая печка, садился на широкий гладкий пенёк и слушал, о чём говорил командир.

Наверное, так прошло дней десять.

Я думал о друзьях, волновался, не обнаружили ли немцы нашу переправу и не видел ли кто из деревни, как ребята под утро вернулись домой.

Выйти на связь с ними пока никак не получалось.

Переживал я и о Наташе. Как она и что думает обо мне? Ведь мы столько дней не виделись...

Я несколько раз подходил к Дмитрию Тимофеевичу, просил отпустить меня в село и Лихвин, но тот только хмурил брови и отворачивался.

— Куда ты пойдёшь, Саша... Тебя же лёгким ветром сдувает, совсем вон обессилел...

— Но не могу же я быть нахлебником, уже столько дней не при деле, — не сдавался я. Хотя понимал, что командир прав, и не представлял себе, как доберусь даже до деревни. Но эти мысли я упрямо гнал прочь.

— Хорошо, давай сделаем так, — наконец согласился командир. — Отправляйся в село Мышбор, ты помнишь, там живёт учительница Анна Музалевская. Передашь ей важные сведения. У неё же сможешь отлежаться и подлечиться. А потом и в город сходишь, проведешь своих дружков.

В ту же ночь, ещё затемно, я вышел из лагеря.

Дорога показалась мне очень длинной. Ветки то и дело цеплялись за одежду, словно хотели удержать меня в лесной глуши. Я спотыкался о болотные кочки и корни больших деревьев.

Только потом мне стало понятно, что я просто очень ослаб за дни болезни. Поэтому путь, который обычно занимал всего час по времени, в этот раз растянулся втрое... В итоге к деревне Мышбор я вышел уже за светом.

Это был маленький посёлок, приютившийся на пригорке, со всех сторон окружённый лесом.

В такой глуши немцы появлялись редко, поэтому местные жители регулярно собирали для нашего отряда продукты и медикаменты, партизаны могли здесь переночевать и подлечиться в случае необходимости.

По привычке я остановился у покосившегося забора на краю деревни. Здесь был лаз в усадьбу Анны Андреевны Сергеевой, приятной женщины средних лет, с добрыми светлыми глазами на круглом румянном лице. Она была одной из главных помощниц нашего отряда в Мышборе.

На краю усадьбы Анны Андреевны стоял старый глубокий погреб, укрытый раскидистыми яблонями и тонкой вишнёвой порослью.

Сюда деревенские жители по очереди приносили запасы еды, которые забирали мы с Митей или другие партизаны.

Я хотел пройти мимо, но услышал, как Анна Андреевна позвала меня.

— Саша, Сашенька! Пстой, — она быстро пробралась ко мне через голые кусты смородины и малины.

Лицо Анны Андреевны было испуганным и бледным.

— Саша, нельзя в деревню, никак! Фашисты проклятые орудут, понаехали, людей хватают. Музалевскую вчера увезли, говорят, в Лихвин... Беги, Сашечка, тебя ж знают в деревне.

Она сунула мне в руки краюху хлеба, завёрнутую в платок, и перекрестила.

Я ушёл обратно в лес.

Возвращаться в отряд мне показалось бессмысленным, поэтому, недолго думая, я направился в Песковатское, решив отлежаться в своём старом доме.

По дороге от Мышбора до моей деревни было ходу часа на три с небольшим, но я шёл по краю леса, опасаясь встречи с немецким патрулём. Поэтому добрался в Песковатское уже к вечеру, как раз в сумерках.

Подойдя к забору, я осторожно огляделся и, отодвинув несколько ветхих досок, пролез во двор.

Дверь в хату была открыта.

Я не стал зажигать керосинку, чтобы с улицы не был виден свет, и, только дождавшись ночи, тихонько затопил печку. Когда живительное тепло разлилось по её каменным бокам, я залез наверх и провалился в сон.

Мне снилась Наташа.

Мы сидели на скамейке у старого дуба и смотрели, как просыпаются на востоке первые лучи солнца. Я держал Наташу за руку и краем глаза видел, как от лёгкого утреннего ветерка шевелятся пушистые локоны на её шее...

Проснувшись, я даже зажмурился: так хотелось вернуть назад этот сон. Я лежал так долго и вспоминал, как мы всю ночь гуляли после окончания девятого класса.

Со школьного вечера мы вышли шумной толпой, но даже не заметили, как остались совершенно одни. Наташа улыбалась как-то по-новому, немного застенчиво, чего я раньше не замечал.

В этот вечер она казалась мне особенно красивой.

Мы о чём-то болтали почти всю ночь, приютившись на скамейке под раскидистым дубом. Впереди, с высокого берега Оки, освещённые мягким лунным светом, виднелись далёкие поля и тонкая каёмка леса по краю.

Потом мы замолчали. Долго смотрели, как зарождается рассвет, и думали, кажется, об одном и том же.

Я накинул Наташе на плечи свой пиджак и обнял её. Так мы просидели несколько часов, пока солнце совсем не встало.

Наверное, это утро я запомнил на всю жизнь...

...Доев краюху хлеба от Анны Андреевны, я опять уснул и проспал до вечера.

Как стемнело, снова затопил печку.

Тут в окно тихонько постучали. Я осторожно глянул из-за занавески — Серёга. Значит, свои.

Открыв дверь, я увидел на пороге песковатских ребят и скорее запустил их в дом.

— Увидали, как печка топится, и сразу поняли, что это ты, — довольно улыбался Стёпка.

— Вот, держи, мы еды принесли, ешь скорее! Голодный, небось, — озабоченно шептал Егор.

Не зажигая керосинки, мы сидели вокруг приоткрытой дверцы подтопка, освещённые отблесками огня.

Вволю наговорившись, мы с ребятами распрощались. Решили завтра встретиться снова и продумать дальнейшие планы.

Я улёгся на тёплую печь и вскоре снова заснул.

Разбудил меня громкий стук в дверь. На улице было ещё темно. Я скатился с печи и схватил пистолет. В другой руке зажал гранату.

— Ми знаем, што ти сдесь! Сдавайся! — услышался с улицы визгливый голос. В окна засветили фонари.

Немцы!

Я схватил стул и выбил спинкой окно возле двери. Выдернул чеку и швырнул туда гранату.

— Сдамся я, конечно! Ждите, сволочи поганые!

Но взрыва не последовало.

Каждая секунда, казалось, тянулась бесконечно, как в замедленном кино.

Поняв, что граната не разорвалась, я бросился к дальнему окну, которое выходило в сад у ворот.

Выбив его локтем, я вылез через оконный проём и кубарем скатился на землю. Но, не успев сделать и шага, почувствовал удар, который сбил меня с ног. Потом ещё и ещё, им не было счету...

Когда меня связали и вытащили на улицу, я поднял глаза и увидел девушку, закутанную в широкий платок. Она стояла у забора в тени деревьев и смотрела на меня полными отчаяния глазами.

Это была Наташа.

Я тихо улыбнулся ей краешками губ и отвёл взгляд, чтобы немцы её не заметили.

В тот вечер Наташа узнала от своего дяди-полицая, что из комендатуры отправляется немецкий отряд в Песковатское арестовать Сашу Чекалина.

О том, что парень в деревне, доложил староста села Антипов. Он, как и друзья Саши, заметил дым от печи в старой избе.

Наташа бежала несколько часов. Но, когда, задыхаясь, из последних сил она выбежала к Сашиному дому, он уже был окружён немцами.

Опоздала.

Сашу арестовали и доставили в тюрьму Лихвина. Там его несколько дней зверски пытали, стараясь получить сведения о партизанском отряде. Он ничего не сказал. И тогда взбешённые фашисты приговорили молодого партизана к казни.

Рано утром 6 ноября 1941 года немецкие солдаты согнали народ на городскую площадь. Вывели Сашу. Окровавленный, босой, он шёл по первому снегу с гордо поднятой головой.

Когда ему на шею накинули тяжёлую верёвку, Саша с ненавистью посмотрел на карателей.

— Всех не перевешаете! Нас слишком много! — закричал он и запел «Интернационал».

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»

Люди на площади подхватили слова родной песни. Они плакали и пели, даже когда Сашин голос уже смолк навсегда...

Дерево, на котором фашисты повесили молодого партизана, стоит на площади до сих пор. Только сам город называется теперь его фамилией — Чекалин.

А 4 февраля 1942 года Саше было присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно.

Семья Саши прошла всю войну. Отец остался с партизанами, мать устроилась медсестрой и дошла с Красной армией до Берлина.

Витюша, Виктор Чекалин, всё-таки сбежал на фронт и был зачислен в танковые войска. Всю войну он мстил фашистам за смерть брата.

Летом 1945 года Чекалины встретились в старом доме на краю Песковатского. Под мирным небом, за которое отдал жизнь их сын и брат.

Фролова Марина, 17 лет
Иллюстрация «Молодая гвардия»
МБУ ДО «ДШИ» г. Инта
Преподаватель – Прейс Фридрих Вольдемарович

стр. 90

Волынкина Мария, 14 лет
Иллюстрация «Молодая гвардия»
МАУ ДО «ДШИ» г. Печора
Преподаватель – Жук Ольга Владимировна

стр. 97

Молодая гвардия

Витя Третьяков

Кап, кап, кап...

Монотонные повторяющиеся звуки постепенно входят в моё сознание, всё отчетливее давая о себе знать.

Наконец я открываю глаза.

Очень холодно. И сыро. Откуда-то с потолка постоянно капает, и поэтому вся солома, на которой я вчера провалился в сон, совершенно отсырела.

Медленно обвожу глазами камеру.

Теперь в тусклом свете зимнего дня, который едва находит путь сквозь небольшое окошко под потолком, я вижу, где оказался.

Каменный мешок с тяжёлой железной дверью, две деревянные лежанки у стен, ржавое ведро в одном углу и ворох прелой соломы в другом – вот моя новая комната. Располагайся, Виктор.

Я медленно перебираюсь на лежанку и сворачиваюсь клубком, подтянув поближе ноги. Может, немного согреюсь.

Тело почему-то плохо слушается, на губах – солёный привкус крови.

И тут я начинаю вспоминать вчерашний день.

Мы просчитались. Не нужно было забирать эти подарки из немецкой машины, которую несколько дней назад ребята угнали по дороге в город.

Сжечь, спалить дотла нужно было всё это фашистское барахло. Но мы хотели собрать запас продуктов на тот случай, если придётся скрываться в лесу.

Сдал мальчишка. Случайный... Он увидел, как вечером ребята разгружали мешки из машины. Женька Мошков сунул ему пачку сигарет, выпавшую из фургона, чтобы молчал. А получилось наоборот, эти сигареты нас и выдали.

Мальчишка назавтра же пошёл их продать на базар, там его и поймали полицаи.

Женьку арестовали сразу.

Ко мне примчался Серёга Тюленин. Предупредил, просил уходить скорее, немедленно.

Но мне нельзя было... Раз моё имя прозвучало, нельзя скрываться. Иначе арестуют отца, мать. Да и ребята могут растеряться, наделать ошибок. Допустить этого я не мог.

К тому же у них ничего на меня нет, кроме этих подарков. Про остальную деятельность нашей подпольной организации немцы узнать не могли, я был в этом уверен.

То есть про деятельность-то они знали, ещё бы. Зубами землю рыли, чтобы выяснить, кто взорвал склад с оружием или поджёг биржу труда, тем самым избавив почти две тысячи молодых людей от отправки в Германию.

Кто клеил по всему городу листовки с новостями фронта и срывал их поганые плакаты с заборов.

Кто заставил предателей-полицаев лазать по крышам, установив красные советские флаги на городской администрации в канун праздника 7 Ноября.

Много неприятностей доставила оккупантам Краснодона наша «Молодая гвардия».

Да только имён у них нет. Никто не выдаст, я знаю каждого, предателей среди нашей молодёжи не найдётся. К тому же мы действовали крайне осторожно.

Поэтому я спокойно оделся и, когда за мной пришли, поцеловал мать и сказал ей не переживать.

Меня допрашивал начальник полиции Соликовский, правда, без особого рвения. Видно, и он воспринимал историю с подарками как мелкое хулиганство.

Я молчал, от всего отказывался. Соликовский несколько раз наотмашь ударил меня по лицу, требуя говорить, потом с силой пнул сапогом

и приказал увести. По пути в камеру полицаи ещё добавили мне тумачков и бросили на солому в углу.

Так я оказался здесь. Что ж, надеюсь, мне удастся выбраться.

Сегодня третий день моего заключения. Третье января.

Три допроса. Вижу, что начальник полиции не в духе. Видимо, немецкое командование требует от него результатов в поиске участников подпольного движения, а тут всего лишь мы с этими подарками.

Надеюсь, нас отпустят. Меня, Женю Мошкова и Ваню Земнухова — он пришёл в полицию сам. Это на него так похоже! Хотел Ванюшка вызволить нас с Женькой, думал, не имеют права держать, раз доказательств нет.

Только справедливости здесь не у кого искать. Забрали и его, посадили нас в разные камеры, чтобы не могли общаться. Но им ничего не добиться, не на тех напали!

Сегодня написал домой письмо, разрешили передать:

«Дорогие мама и папа! Следствие по нашему делу подходит к концу. Скоро увидимся. Принесите мне тёплый пиджак. Обо мне не беспокойтесь. Целую вас крепко, Виктор».

Снова эти звуки.

Я не двигаюсь. Даже малейшее усилие пошевелиться причиняет нестерпимую боль.

Но сейчас, по крайней мере, меня никто не бьёт.

Выбраться из тюрьмы нам не удалось. Четвёртого января меня снова привели на допрос. На этот раз Соликовский был в состоянии какой-то эйфории, соединяющей бурную радость с дикой злобой. Я даже не знал, что такое может быть.

— Смотри сюда, щенок, — крикнул он, скалясь мне в лицо. От него пахло крепким перегаром и потом. — Ну теперь ты у меня запоёшь по-другому!

Кто-то из полицаев подтолкнул меня к столу. На нём лежало несколько тетрадных листов, исписанных мелким неровным почерком.

Наверху первого листа я разглядел: «Третьякевич Виктор, комиссар».

Дальше шёл перечень всех ребят, которые состояли в «Молодой гвардии». Здесь было не меньше пятидесяти имён. Нас предали!

В голове застучала кровь.

Кто это сделал? Что известно полиции? И что теперь будет с ребятами?

Может ли этот список быть безусловным доказательством вины моих друзей и всех, кто связал себя клятвой верности нашей подпольной организации?

Возможно, им известно далеко не всё. Нужно молчать, молчать до последнего.

И я молчал. Хотя теперь меня избивали жестоко и методично, пытаюсь вырвать хоть слово о нашей деятельности...

Очнулся я только в камере.

Где-то далеко, в глубине коридора, были слышны редкие злобные крики и долгий, мучительный стон.

Держитесь, ребята мои, держитесь...

Сегодня восьмое января.

Здесь, в каменных стенах тюрьмы, уже многие мои друзья.

Арестовали и девушек, глупо было бы надеяться, что их пощадят... Для фашистов мы всего лишь скот, из которого нужно выбить информацию.

Мне страшно думать о том, что происходит на допросах. Я мужчина, но каково переносить такие нечеловеческие муки девчонкам, которым едва исполнилось семнадцать... Не нужно было их ввязывать! Это я виноват...

Но мы все так горели желанием бороться с фашистами!

Каждый из нас ненавидел их до самой глубины души. Каждый из нас готов был отдать жизнь за то, чтобы хоть на шаг приблизить победу над немецкими оккупантами.

Как мог я остановить тех, кто жаждал участвовать в борьбе?..

Сначала нас было несколько человек. Мы не могли сидеть сложа руки, в то время как наша Родина была охвачена огнём войны.

Нам удалось собрать свой радиоприёмник и узнать реальное положение дел на фронте. К нашему воодушевлению, оно очень сильно отличалось от той пропаганды, которую насаждали в Краснодоне фашисты.

По их сводкам, которые появлялись на каждом заборе, Советская армия была на грани полного провала и вот-вот должна была утвердиться новая власть.

Когда мы узнали, что на самом деле войска Красной армии теснят фашистов под Сталинградом, стало понятно, какую по-настоящему ценную работу мы можем провести.

Листовки с фронтовыми новостями. Мы писали их ночи напролёт. Тогда стало понятно, что нам нужны ещё рабочие руки.

Очень быстро наша подпольная организация разрослась почти до ста человек. Приходили все, кто ненавидел фашистов и мечтал сбросить эту заразу с лица родной земли.

Это не было игрой.

Каждый из нас служил Родине, помогая «Молодой гвардии». Как умели, но от чистого сердца и с огнём в груди.

А теперь, видимо, пришло время исполнить клятву, которую мы давали друг другу:

«Вступая в ряды членов «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любые задания организации; хранить в глубочайшей тайне всё, что касается моей работы в «Молодой гвардии».

Я клянусь мстить беспощадно за сожжённые, разорённые города и сёла, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-шахтёров.

И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам её без минуты колебаний. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть моё имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь, смерть за смерть!»

Мы всё правильно сделали. Сделали что смогли. Теперь осталось правильно умереть.

Уверен, нас поймут родные.

Мама, папа... Вы поймёте меня.

Мои дорогие... Как бесконечно жаль оставлять вас в этом страдании.

Что написать вам? На бумаге нельзя выразить и тысячной доли того, что я чувствую...

Долго выбираю слова.

«Дорогие мама и папа!

Передаваемый вами борщ все дни кушаю с большим удовольствием. С выходом на волю пока просвета не видно, но вы не волнуйтесь. Прошу, передайте мне цинковой мази и кусок белого материала. Мужайтесь. Привет Марусе и Нюсе. Целую вас. Ваш Виктор».

Фролова Марина, 17 лет

«Кто клеил по всему городу листовки с новостями фронта и срывал их поганые плакаты с заборов»

Сегодня на допросе был офицер гестапо Ренатус.

Приехал прямиком из Ворошиловграда. Злой, я вижу это по его холодным стальным глазам.

Я слышал их разговор с начальником полиции. То ли они не знают, что я хорошо говорю по-немецки, то ли им всё равно, пойму я что-то или нет.

В Ворошиловграде мой брат, Михаил. Он один из руководителей подполья, связан с партией и партизанским движением.

— Он знает явочные квартиры и пароли. Вы должны во что бы то ни стало выбить из него эту информацию! — Ренатус с силой швырнул увесистую папку на стол и бросил быстрый взгляд на Соликовского. — Выполняйте!

— Господин Ренатус, я должен сказать, этот Третьякевич — очень крепкий орешек, — проямлил начальник полиции, но быстро осёкся.

— Я хочу вам напомнить, господин Соликовский, что вы всегда можете оказаться на месте этого... гнусного отребья, которое цепляется за свою мнимую свободу и жалкое понятие родины. Мы доставили к вам проверенные инструменты, с помощью которых можно развязать любой язык... Не разочаровывайте меня, прошу вас.

С этими словами Ренатус, забрав со стола свои белые перчатки, вышел из кабинета.

Соликовский перевёл на меня свой тяжёлый взгляд. Вопросов было всё больше.

Где встречаются подпольщики в Ворошиловграде? Какие пароли они используют? С кем я виделся на явочных квартирах? Кто ещё, кроме меня, был руководителем «Молодой гвардии»? С какого времени действовала наша организация? Каков полный список имён подпольщиков Краснодона?

Но все эти вопросы уходили в пустоту.

Я понял, что у меня только один выход из рук этих людей — смерть. Но в моей власти то, каким я уйду.

Не сдать, не упасть морально, не отказаться от своих принципов, сдержать клятву. Это осталось единственным маяком в беспросветной темноте мук, в которую я погружался раз за разом.

Держаться во что бы то ни стало... И я молчал.

Третий допрос за день. Жив ли я? Скорее всего, да, раз чувствую эту бесконечную боль.

В мою камеру зашёл Ренатус. Он брезгливо огляделся и остановился у входа. Потом заговорил.

— Знаете, господин Третьякевич, а я нашёл вашу клятву. «Молодая гвардия», так вы называли свою детскую игру?

Ай-ай-ай, начитались романтических книжонок и решили поиграть в войну? Зачем же вы собрали столько детей для своей забавы? Их ведь не взяли воевать, а что это значит? Что они маленькие ещё... Глупые. Доверчивые.

А вы-то, член партизанского отряда, коммунист, подпольщик! Вам верили, за вами пошли сломя голову...

Но вышло как-то нехорошо. М-да...

Потому что оказался Виктор Третьякевич — предатель. Да-да, сдал всех своих, испугался, не выдержал на допросе.

Я смотрю, вы удивлены? Не стоит.

Всё очень просто. Теперь ваши дружки проинформированы, что именно вы указали нам их имена. Вы — предатель.

«Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть моё имя, мои родные будут навеки прокляты...»

Такие слова были в вашей клятве? Красиво звучит. Вы, наверное, и не думали, что это станет вашей историей, не правда ли?

Представьте только, что ждёт семью Третьякевичей. Бедные, их сын... предал на смерть десятки человек! Кажется, они все краснодонцы? Их родственники живут здесь же? Что ж, я не завидую вашим родителям.

И кстати, ваш брат — комсомолец, я уверен, тоже не выиграет от родства с предателем... Может быть, его даже расстреляют.

Подумайте, господин Третьякевич. Насколько вам дорого ваше имя?

Вы хотите остаться честным. Но парадокс в том, что это тоже в наших руках!

Вы бессильны против нас! Ваше молчание... бессмысленно. Ваша жертва уже никому не нужна.

Просто ответьте на наши вопросы. И мы дадим вам спокойно умереть. Или отпустим, поможем уйти, если захотите.

Упираться бес-смыс-лен-но! Подумайте, прошу вас.

Он ушёл, закрылась железная дверь.

А я остался, оглушённый его словами.
Да, в этот раз меня не били. Но я не знаю, какие мучения было легче переносить...
Физическую боль или, как теперь, моральное уничтожение?
Значит, я не просто умру. Я умру как негодяй и подонок. Как проклятие для моей семьи, как предатель, как тварь!
Можно ли придумать что-то хуже этого?..
Я прислушиваюсь к глухой тишине под землёй. Кажется, всё вокруг замолкло в немом упрёке.
Я – предатель?!
И все, кто мне верил, будут умирать, обвиняя меня?..
А мои родители... Что будет с ними? Мои дорогие мама и папа, которые воспитывали меня быть честным, справедливым и смелым... Что они подумают о своём сыне?
Перед глазами встают воспоминания из прошлой, довоенной жизни. Это было совсем недавно, кажется, протяни руку, и вот они, эти беззаботные радостные дни под чистым летним небом, когда я шёл с отцом на рыбалку или лежал на сухой траве в нашем уютном шалаше за домом.
Мы любили спрятаться там от палящего солнца и подолгу говорить обо всём, пока мама, потеряв нас из виду, не начинала кричать в открытое окно спальни: «Витюша, Осенька, идите ужинать!»
Мы с отцом бежали наперегонки в дом и обнимали раскрасневшуюся маму. Она громко смеялась и отмахивалась от нас полотенцем.
После ужина у нас всегда были самые интересные дела: играть в шашки и шахматы или читать новости из мира науки, ремонтировать что-нибудь, а то и вовсе вернуться в шалаш и смотреть на звёзды так долго, пока совсем не уснём.
Какое это было счастье!
А теперь... Всё разрушено, погублено, и мне даже нельзя посмотреть в глаза родным, оправдаться перед ними, сказать им правду...
Я задыхаюсь от этой чудовищной боли, чудовищной несправедливости. Но... не могу пойти против своей совести. Я знаю, кто я и что сделал. Другого пути для меня нет, я буду молчать.

Скорее бы закончилась эта агония.
Допросы и часы беспомощности слились в единый кошмар. Сколько ещё можно вытерпеть?!
Где я сейчас?..
Кажется, это камера. Я на лежанке, но под головой – свёрнутый кусок материи, а тёплое пальто укрывает меня сверху.
Кто-то позаботился обо мне.
Слышу тихое дыхание напротив и, не открывая заплавленных глаз, спрашиваю в темноту:
– Кто здесь?..
– В... Витя?.. Это ты?.. Что они с тобой сделали, дружок мой дорогой?.. Это я, дядя Ваня, папа Васи Левашова. Третий раз уже меня арестовывают... гады.
Сегодня вот сюда посадили...
А я видел тебя, но не узнал, понимаешь. Не узнал тебя... Сейчас только по голосу слышу – это же Витя!.. Ну конечно, да, это ты.
Милый мой, на тебе ведь живого места нет... Лица не разобрать совсем...
Как же вы, как вы попались-то этим выродкам??? Теперь не отпустят они вас, детки мои дорогие...
Дядя Ваня бережно поправляет на мне съехавшее пальто и, наклонившись к самому уху, шепчет, шепчет...
– Сидел я в прошлый арест с мальчишками вашими. Серёжка Тюленин там, Ваня Туркенич, Мошков Женька, много ребят, камера большая такая... И ты понимаешь, приходили эти полицаи и говорили нам про тебя. Что, мол, это Витя Третьякевич сдал всех фашистам.
Но только никто им не поверил. Слышишь, Витя, никто, никто! Мы же знаем тебя.
Ребята так и сказали: «Витя – наш комиссар. Мы верим в его честность».
Так что ты не думай, Витюш. У них не получилось оклеветать тебя. И теперь я вижу, что мы были правы. Если бы ты был предатель, разве они бы так тебя пытали???
Дядя Ваня ещё долго что-то рассказывает, и его шёпот сливается в однотонный звук всё дальше и дальше от меня. Я чувствую только, как по щеке одна за другой скатывается слеза.
Значит, не поверили фашистам.
Значит, Виктор Третьякевич... не предатель!

«Дорогие мамочка и папочка, мои родные! По всему видно, что нам не выйти. Но вы не волнуйтесь и не переживайте, не падайте духом.

Вы слышите на востоке раскаты орудийной стрельбы, значит, наши скоро придут и вам будет оказана помощь.

Сегодня мне приснилось, что я был дома с вами. Но это только сон. Прервали сон вызовом на допрос.

Ещё прошу, крепитесь. Я умираю за нашу Родину, за наш народ. Прощайте. Крепко целую и обнимаю. Вечно любящий вас ваш Виктор».

Это последнее письмо, которое отправил домой Витя Третьякевич.

15 января 1943 года, через две недели нечеловеческих пыток, этого восемнадцатилетнего парня, так и не давшего никаких показаний, вывезли из города к угольным шахтам.

В машине с открытым кузовом из тюремных застенков в этот день увезли ещё несколько ребят из «Молодой гвардии». Раздетые и избитые до неузнаваемости, по дороге они пели любимую революционную песню Ленина «Замучен тяжёлой неволей, ты славную смертью почил...»

Даже в свои последние минуты Виктор поддерживал друзей и помогал им сохранить твёрдость духа...

Этих парней и девчонок, не пожалевших своей жизни ради родной земли, расстреляли на краю одной из краснодонских шахт и сбросили вниз, на глубину более пятидесяти метров.

К середине февраля, когда войска Красной армии освободили Краснодон от немецких оккупантов, фашисты казнили в шахтах семьдесят одного человека. Сорок девять из них были молодогвардейцами.

До сих пор нет точных сведений, от кого фашисты узнали имена молодых подпольщиков. Но, судя по тем пыткам, которые пришлось пережить этим юношам и девушкам, никто из них не пошёл на контакт с полицией и не выдал своих товарищей.

Всех казнённых фашистами ребят похоронили в большой братской могиле в центре Краснодона.

На теле Вити Третьякевича не было найдено следов от пуль.

Волынкина Мария, 14 лет

Участники организации «Молодая гвардия» клеят по всему городу листовки с новостями с фронта

По словам свидетелей, он, стоя на краю пропасти, попытался схватить за руку начальника полиции и, отброшенный ударом приклада, упал в шурф шахты ещё живым.

До последней минуты жизни этот восемнадцатилетний парень боролся с ненавистной фашистской властью. Вдохновлённые его примером, юные молодогвардейцы встретили свою смерть с гордо поднятой головой.

По данным следствия Виктор Третьякевич считался предателем вплоть до 1959 года, когда его имя было официально реабилитировано.

И только спустя семнадцать лет после его героической гибели Виктору была присуждена награда — орден Отечественной войны I степени.

Награды:

- Орден Отечественной войны I степени

Эпилог

Читая истории ребят, которые стали героями в той самой войне, начинаешь примерять их поступки на себя.

— А я смог бы так же?

— А мой сын, дочь, как бы поступили они?

И тогда становится понятно, в чём состоит большой подвиг, который совершили те мальчики и девочки.

Не только в их смелости при участии в военных операциях. Не только в их мастерстве при работе в разведке. Не только в их яростном желании бороться с оккупантами.

А ещё и в том, что они стояли до конца.

Не свернули назад, не сдались, не трусили. Вытерпели самое страшное и до последнего мгновения оставались верными.

Кому? Чему?

Своим родным. Своей земле. Своей стране.

Так, значит, это что-то настолько важное, что можно и нужно за это отдать свою жизнь?

Не забыли ли мы об этом? Не растеряли ли твёрдость духа, присущую русскому народу?

Рассказали ли мы своим детям, что значит Родина и какой ценой заплачено за её свободу?

Надо помнить и надо говорить об этом.

Чтобы сохранить память, верность и силу своего народа.

Русского народа. Русской души.

Юные герои. Великой Победе посвящается...

Юные Герои, получившие высшую награду Советского Союза, — медаль «Золотая Звезда»

**ЛЁНЯ
ГОЛИКОВ
16 ЛЕТ**

Прогрел взрыв.

Машина перевернулась и слетела с дороги. Я сразу увидел немца. Он поднялся с земли и побежал.

Я побежал за ним. Он выстрелил. Я упал. Но снова встал и дальше неотступно следовал за его тёмной тенью, мелькавшей впереди.

Патроны были на исходе, и попал я в цель только самым последним — счастливым.

При немце была папка с бумагами — как оказалось, большой государственной важности. Москва приказала высоко наградить всех, кто участвовал в операции по добыче этих бумаг.

А добыл-то их я один, Лёнька Голиков.

Погиб в бою

**МАРАТ
КАЗЕЙ
14 ЛЕТ**

Патроны кончились.

Из травы снова поднялись немцы, хоть их и стало меньше. Они обогнали плотным кольцом.

— Хотят взять живым — осенило меня.

Я взял первую гранату и швырнул её в фашистов. Рвануло. Понеслись крики и потом стон.

Секунды тянулись.

Я видел, как немцы снова встали и пошли на меня, как были уже рядом. Видел, как занесли над мной приклад автомата.

Они не знали только одного — чеку второй гранаты я уже выдернул.

Погиб в бою

**ЗИНА
ПОРТНОВА
17 ЛЕТ**

В небольшой комнате было душно.

— Девочка, если расскажешь нам, как найти партизан, мы тебя отпустим. А если нет...

С этими словами немецкий офицер достал пистолет и положил его на стол, направив на меня дуло. Потом отвернулся и залучиво выглянул в окно. Это была его ошибка.

Я рванулась, схватила пистолет и выстрелила в офицера. Он упал. Ещё двумя выстрелами я положила караульных в аберях.

Но далеко уйти не получилось. Понеслись треск автомата, и ногу обожгло горячей болью. Я упала на землю.

Лучше бы я тогда погибла...

Казнена фашистами

**ВАЛЕНТИН
КОТИК
14 ЛЕТ**

— Раз, два, три.

Автомобиль приближался. Я лежал у дороги в густых и колючих зарослях репейника. Отсчитывал мгновения, которые разделяли меня и машину.

Сердце бешено колотилось. Правая рука, до боли в пальцах, судорожно сжимала тяжёлую гранату.

— Пора!

Прогрел взрыв, машину отбросило в сторону. Я побежал проверить — живых не осталось. Возвращаясь в отряд я с гордой улыбкой.

Так началась моя война.

Смертельно ранен в бою

**САША
ЧЕКАЛИН
16 ЛЕТ**

Я ничего не рассказывал.

Фашисты долго пытали меня. А я был переполнен злости и ненависти к этим немецким подонкам. Это давало мне силы.

Страх не было.

Я думал о ребятах, которые стояли в лесу большим партизанским отрядом. Понимал — немцам ни в коем случае нельзя их найти.

А ещё я думал о маме.

Она бы гордилась мной. Я не должен её позастыдиться. Поэтому, когда тяжёлая грубая петля легла мне на шею, я набрал побольше воздуха и запер.

— Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и ра...

Казнен фашистами

Благодарности

Благодарим за участие авторов иллюстраций и их преподавателей.

Иллюстрации обложки:

Ученица МАУ ДО «Детская школа искусств» г. Печора Москалёва Евгения, 16 лет.
Преподаватель – Цыганова Анна Ивановна.

Иллюстрации:

Ученики МАУ ДО «Детская школа искусств» г. Печора. Преподаватель – Цыганова Анна Ивановна:

- Мазур Анастасия, 15 лет, иллюстрация к произведению «Александр Чекалин»,
- Полиенко Аполлинария, 14 лет, иллюстрация к произведению «Володя Дубинин»,
- Птицына Алина, 14 лет, иллюстрация к произведению «Валентин Котик»,
- Репич Роман, 15 лет, иллюстрация к произведению «Лёня Голиков»,
- Сизова Вероника, 14 лет, иллюстрация к произведению «Зина Портнова»,
- Скрябина Софья, 16 лет, иллюстрация к произведению «Марат Казей».

Ученики МАУ ДО «Детская школа искусств» г. Печора. Преподаватель – Жук Ольга Владимировна:

- Вольнкина Мария, 14 лет, иллюстрация к произведению «Молодая гвардия»,
- Коваль Дарья, 16 лет, иллюстрация к произведению «Зина Портнова»,
- Логинова Анна, 14 лет, иллюстрация к произведению «Лёня Голиков»,
- Овсиенко Василиса, 13 лет, иллюстрация к произведению «Володя Дубинин»,
- Хозяинова Анна, 14 лет, иллюстрация к произведению «Марат Казей».

Ученики МБУ ДО «Детская школа искусств» г. Инта. Преподаватель – Прейс Фридрих Вольдемарович:

- Дроздова Виктория, 14 лет, иллюстрация к произведению «Володя Дубинин»,
- Фролова Марина, 17 лет, иллюстрации к произведениям «Лёня Голиков» и «Молодая гвардия».

Ученица МБУ ДО «Детская школа искусств» г. Инта Цветкова Анастасия, 14 лет, иллюстрация к произведению «Зина Портнова». Преподаватель – Остофийчук Ирина Александровна.

Ученики МБУ ДО «Детская школа искусств» пгт. Нижний Одес. Преподаватель – Ершова Ильмира Минухановна:

- Белоголова Алина, 14 лет, иллюстрация к произведению «Лёня Голиков»,
- Бирюкова Юлия, 14 лет, иллюстрация к произведению «Лёня Голиков»,
- Волоскова Ксения, 14 лет, иллюстрация к произведению «Валя Котик».

Благодарим за содействие:

Управление культуры и туризма МР «Печора» в лице Потаповой Ксении Константиновны, Отдел культуры администрации МО ГО «Инта» в лице Поповой Ольги Евгеньевны, Отдел культуры администрации МР «Сосногорск» в лице Никитиной Марины Анатольевны.

Благодарим за активное участие:

- МАУ ДО «Детская школа искусств» г. Печора
- МБУ ДО «Детская школа искусств» г. Инта
- МБУ ДО «Детская школа искусств» пгт. Нижний Одес

Благодарим коллектив Печорского линейного производственного управления магистральных газопроводов – филиала ООО «Газпром трансгаз Ухта» за финансовую поддержку издания.

Денежные средства были собраны работниками Печорского ЛПУМГ ООО «Газпром трансгаз Ухта» в рамках благотворительного марафона «Мы – наследники Великой Победы».

Проект реализован только благодаря всем этим творческим и неравнодушным людям.

Юные герои. Великой Победе посвящается...

ЮНЫЕ ГЕРОИ
Великой Победе посвящается...

Автор рассказов Боровикова Анна Сергеевна – работник
Печорского ЛПУМГ ООО «Газпром трансгаз Ухта»

Корректор Филиппова Галина Васильевна – учитель
русского языка и литературы МОУ «СОШ №10» г. Печора

Куратор Донской Андрей Валентинович – работник
Печорского ЛПУМГ ООО «Газпром трансгаз Ухта»

Подписано в печать 29.03.2022.
Формат 60×90/8. Гарнитура Charter.
Печ. л. 13. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Астер Плюс»
614064, г. Пермь, ул. Усольская, д. 15, тел. +7 (342) 254-04-95

ВАЛЕНТИН
КОТИК
14 ЛЕТ

ВАС ДРА ТИМ,
АВТОМОБИЛ ПОВРЕЖДЕНА В АРМА И КОРИ
И ТУДА И ПОСЛЕДИЛ ЗАБОЛЕЛА РЕВМАТИЗМ
И ПЕРИТОНИТ ПУЛМОНИА КОТОРИ РАБОТА
И ПЕРИТОНИТ
И ЗАУМНО ПО СПИНСКИ АВАРИИ БИЛА АД
КОРИ И ПЕРИТОНИТ ЗАБОЛЕЛА ЗАБОЛЕЛА
И ПЕРИТОНИТ

